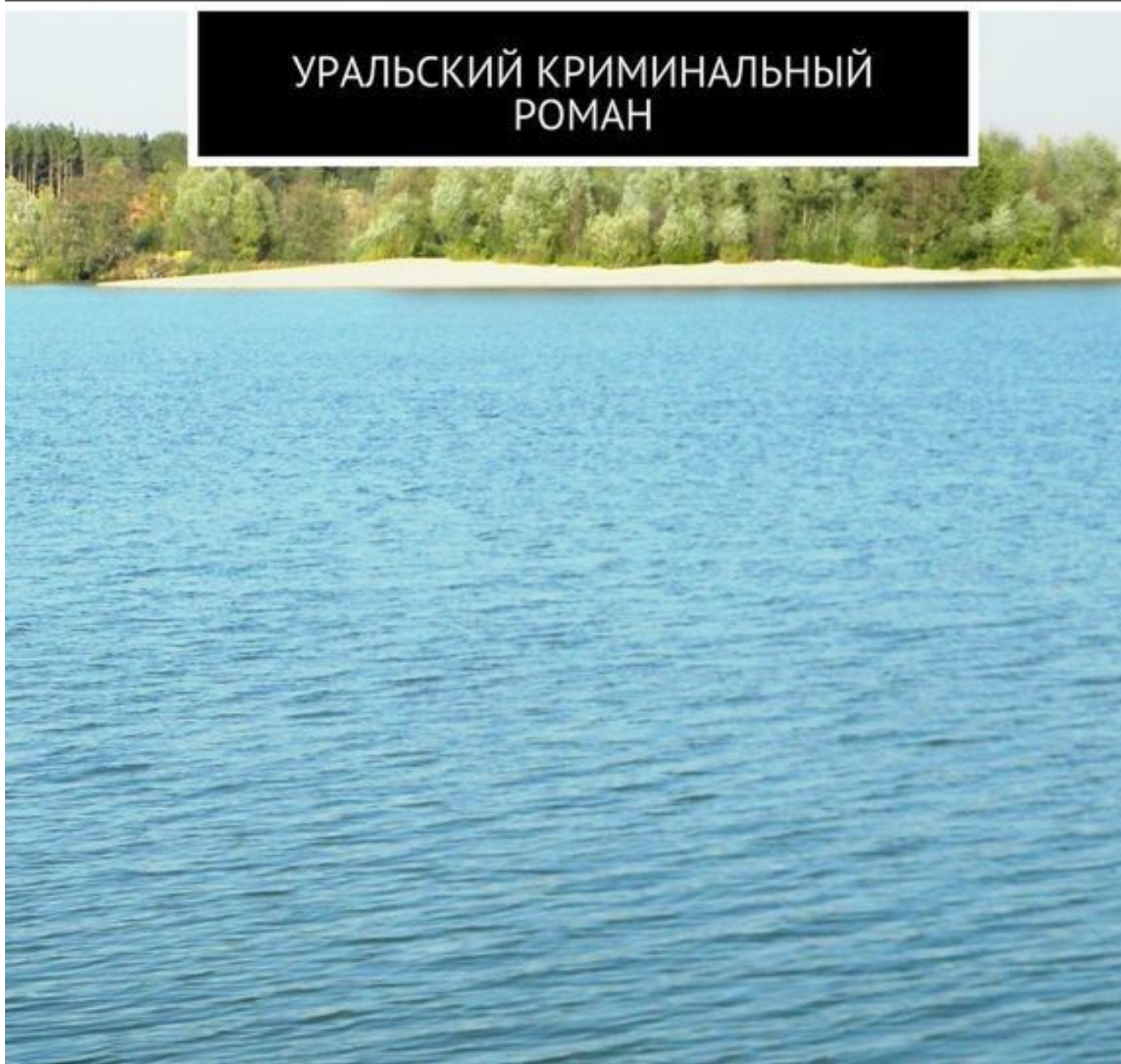

ГЕННАДИЙ МУРЗИН

Без вести пропавший

УРАЛЬСКИЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

Геннадий Мурзин

Без вести пропавший

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Без вести пропавший / Г. Мурзин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747701-1

В основу детективного романа «Без вести пропавший» положен судебный очерк, опубликованный несколько лет назад в периодической печати Среднего Урала. Описываемые события происходили в Нижнем Тагиле, крупном индустриальном городе; в романе описывается не только жуткая и почти невероятная криминальная история, но и автор уделит немало внимания социально- психологическим аспектам, постарался показать на фоне гадости и подлости честность и порядочность тех, кто каждый день противостоят злу.

ISBN 978-5-44-747701-1

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Ссора	7
Глава 2. Тревога	16
Глава 3. У прокурора	24
Глава 4. Совещание	33
Глава 5. Единомыслие	41
Глава 6. Визитер	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Без вести пропавший
Уральский криминальный роман
Геннадий Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор (на снимке) будет признателен, если читатели напишут отзывы о романе «Без вести пропавший» либо на личной страничке Ridero, либо на е-майл – gim41@mail.ru. (АВТОПОРТРЕТ).

Глава 1. Ссора

7 СЕНТЯБРЯ. ВТОРНИК. 12. 10.

Зазвенел долгожданный звонок. Учительница физики Зоя Алексеевна Некрасова еще продолжала говорить, но восьмиклассники ее уже не слушали: первыми мальчишки, а за ними и девчонки, сорвались с мест, высыпали из класса в коридор.

Стало невероятно шумно. Ничуть не утихомирились даже тогда, когда мимо школьников по коридору, бросая окрест холодный орлиный взгляд и пощипывая пальцами левой руки длинный и острый нос с горбинкой, прошествовал сам директор Лев Моисеевич Зильберт.

Образовались группы и группки. Там, где коридор сворачивал к лестничной площадке, ведущей со второго на третий этаж, возле самого окна собралось четверо восьмиклассников. Один из них что-то рассказывал, а остальные громко смеялись.

В этот момент рассказчик почувствовал, что кто-то грубо взял его за рукав. Он повернулся и увидел своего одноклассника.

– Тебе чего, «Сара»? – это была кличка Сарварова, на которую тот страшно обижался. Для него она обидно звучала по двум причинам: во-первых, как намек на его бабий характер, во-вторых, как догадка его еврейского происхождения, хотя во втором случае подростки сильно ошибались.

– Посторонись, я сяду, – злобно вращая зрачками, сказал Сарваров.

– Куда сядешь?

– Сюда, – парень ткнул рукой в подоконник.

– С какой стати?

– С такой, «Серый»!

– Садись, – сказал «Серый», – если сумеешь «посторонить» меня.

– Отойди, – грозно выпятив худосочную грудь и приблизившись к «Серому», сказал Сарваров, – а то...

– А что «то»? Ну, давай. Не стой, как пень. Ну! – «Серый» явно поддразнивал.

Сарваров отступил. Впрочем, «Серый», парень не злой и вполне миролюбивый, знал, что все этим и закончится. Сарваров повернулся, зло сплюнул на пол и, уходя, сказал:

– Ну, ты еще у меня поплачешь.

«Серый» спросил:

– Что, папаню на помощь призовешь? Нет, лучше об этом маменьку попроси, – Сарваров остановился, что-то хотел сказать, но ему не дал «Серый». – Иди-иди, трус несчастный.

Раздался звонок на урок английского.

Сарварова, действительно, в школе все мальчишки считали трусом, но трусом злобным и коварным, готовым подло, исподтишка подстроить любую пакость, а потом, когда дело дойдет до разборки, свалить вину на кого угодно. Педагоги к мальчишке относились с осторожным почтением. Да и сверстники не особо задирали. Почему? Опасались? Кого? Нет, не пацана, а статусного положения его родителей.

Мать славилась тем, что после каждой полученной сыночком двойки прибегала в школу и с пеной у рта доказывала учителям, что её чадо самое способное, самое умное на свете, а потому отрицательных оценок не заслуживает. Скандалистка, короче, каких мало, о чем знал не только весь педколлектив, а и все одноклассники.

Сарваров-отец хоть и не уподоблялся вздорной супруге и не бегал по всякому поводу в школу, однако его руководство школы побаивалось даже больше. Этому есть объяснение: Леонид Федорович Сарваров – человек очень известный в Нижнем Тагиле. В 80-е он был секретарем парткома на железной дороге (позднее даже стал секретарем райкома), и потому всякий раз избирался депутатом районного и городского Советов.

Очевидцы свидетельствуют: Леонид Федорович в те еще не столь давние времена почтительно относился к любому выше его стоящему партийному начальнику, угодливо, старался мельтешить пред начальственными светлыми очами. В качестве примера рассказывают такое.

В 1976-м первым секретарем обкома КПСС избрали Ельцина, поскольку его предшественник, Рябов, стал секретарем ЦК КПСС и отбыл в Москву.

Власть в области сменилась и, кажется, надолго, так как новый первый секретарь производил впечатление физически крепкого, спортивно сложенного мужчины, да и сорок пять, которые исполнились недавно, – не возраст для столь высокого ранга партийного руководителя. Почувяв это интуитивно, Леонид Федорович, только-только начавший партийную карьеру, стал держать нос по ветру. Перво-наперво он решил показаться Ельцину. Но как?

Проблема, так как первый и не подозревает еще о существовании Сарварова. Значит, надо найти повод попасть на глаза. Для начала – мельком, в толпе других, а потом и... По слухам, Ельцин остер на глаз и памятлив на новые мелькающие лица.

Сарваров нашел-таки выход из ситуации. Он узнаёт, что Борис Николаевич любит на север области ездить по железной дороге (впрочем, тогда даже в Серов попасть на автомобиле было невозможно, так как нынешней автострады еще не существовало) в специальном вагоне. У самого высокого нижнетагильского тогдашнего начальства существовало неписаное правило: непременно встречать на станции Нижний Тагил поезд с прицепленным литерным вагоном. Ясно, его, то есть Сарварова, никто туда не приглашал: не того уровня фигура.

Сарваров решает: это не беда.

И вот Сарваров узнаёт через знакомых, что поездом Свердловск – Североуральск нынешней ночью проследует Ельцин. Ему известно: поезд прибудет на первую платформу, хотя обычно поступает на вторую платформу и, вполне возможно, стоянка будет удлинена на пять минут, а то и больше.

Глубокая ночь (из Свердловска поезд отправляется в половине первого, на станцию Нижний Тагил прибывает по расписанию в 3.36), на первой платформе пустынно. Сарваров ёжится от ледяной позёмки, переступает с ноги на ногу, нервно поглядывает на часы: остаются считанные минуты.

На платформу через служебные ворота на большой скорости въезжают две черные «Волги» и останавливаются там, где должен быть первый, литерный вагон.

Сарваров издали видит (скорее, догадывается), как из первой машины вышел Петров, первый секретарь Нижнетагильского горкома КПСС, а из второй – при полном параде «генерал» Шаповалов, начальник отделения железной дороги.

Показались прожекторные огни локомотива, осторожно втягивающего состав на станцию.

Сарваров, до этого стоявший несколько в стороне, приблизился к встречающим начальникам.

Увидев его, Шаповалов удивился и в своей привычной манере, иначе говоря, по-хамски спросил:

– Ты?! Тебе чего?

Сарваров не на шутку струхнул, но вида не показал.

– Мало ли... Вдруг у Бориса Николаевича какие-то вопросы...

– Вопросы? К тебе? – Шаповалов громко расхохотался. – Ха-ха-ха. Да нужен ты ему... Как варежки в Петров день.

– И все же...

Шаповалов машет рукой.

– Хрен с тобой, торчи тут, если так хочется.

Петров, Шаповалов, а, чуть-чуть поотстав, и Сарваров устремляются к единственной двери литерного вагона и останавливаются в выжидательной позе. Проходит минута, другая.

Дверь не открывается. Все переводят глаза на окна: лишь в окне служебного купе горит ночничок, в остальных – чернота.

Шаповалов и Петров понимающе переглядываются, но продолжают стоять все в той же позе.

Но вот дверь вагона приоткрывается и показывается помощник первого секретаря обкома в пижаме.

– Отправляйте поезд, – тихо говорит он. – Борис Николаевич отдыхает. Борис Николаевич не выйдет.

– Есть отправлять поезд! – рапортует, вытянувшись в струнку Шаповалов. И затем вкрадчиво добавляет. – Но ты, дружище, скажи, что мы были.

– Непременно доложу, – отвечает помощник, – как только проснется.

Помощник осторожно прикрывает дверь и уходит.

Поезду дают отправление. Литерный вагон слегка вздрагивает и начинает «уплывать» от встречающих.

Петров и Шаповалов направляются к своим машинам. Только сейчас Сарваров замечает в левой руке начальника отделения железной дороги «дипломат» из черной натуральной кожи. Он знает, что в «дипломате»: там пара бутылок армянского пятизвездочного коньяка, палка краковской колбасы и, конечно, несколько банок черной икры. Если верить распространяемым слухам, все это уважает Борис Николаевич. Потому и имеется в «дипломате» встречающих. На всякий пожарный.

Сегодня не повезло. Сарварову – тоже. Он не отчаивается. Он уверен: в другой раз все будет, как надо.

И действительно. Примерно через месяц, в то же самое время, на той же платформе и те же встречающие.

Поезд остановился. У литерного вагона открылась дверь, и показался Ельцин. Он, резким движением головы откинув все время спадающую на лоб непокорную прядь волос, спустился на платформу. Поздоровался сначала с Петровым, потом и с Шаповаловым. Увидев третьего, незнакомого ему, спросил:

– Юрий Владимирович, представьте товарища... Мы, кажется, не встречались.

Ответил Петров:

– Борис Николаевич, это – Сарваров, секретарь узлового парткома.

– А, понятно, – Ельцин улыбнулся незнакомцу и протянул ему руку. – Здравствуйте, товарищ Сарваров.

Шаповалов привычно пошутил:

– Недавно избран... ха-ха-ха... на первый снег пишет.

Ельцин взглянул на Шаповалова осуждающе.

– Извините, Борис Николаевич! – Шаповалов, чуть побледнев, вытянулся в струнку, поедая глазами Ельцина. – Виноват, Борис Николаевич! Неудачно пошутил, Борис Николаевич!

Ельцин не ответил. Он повернулся к Петрову.

– Юрий Владимирович, я тут, сидя в вагоне, подумал: не дело, когда почти половина области, ее север, не имеет автомобильной связи с центром. Хорошо бы сделать автостраду до Серова, а? Как считаете? Для экономики было бы хорошо. И для людей, живущих там.

– Дело стоящее, – ответил Петров, – да области самостоятельно не потянуть такую стройку. Как-никак, а более четырехсот километров бездорожья, болот и тайги, много речушек.

– Ваша правда: области будет тяжело, а на Москву рассчитывать не приходится. В Госплан и совать нос не стоит.

Петров снова подтвердил:

– Тяжелая штука.
– Волков бояться – в лес не ходить, – Ельцин улыбнулся. – Надо все же попробовать.
– Такие деньги... В бюджете области и за десять лет не наскрести.
– Верно... Юрий Владимирович, мы с вами кто?
– Партийные работники, Борис Николаевич.
– Это так, однако... По первой и основной профессии – инженеры-строители.
– Так точно! – почему-то по-военному ответил Петров.
– Вот... Я и подумал: а что, если методом «народной стройки»? Например, твой город, точнее, твои промышленные предприятия, разве сообща не одолеют участок от Невьянска до Кушвы?

– Директора заартачатся.
– Придется заставить: где кнутом, а где и пряником. Что делать, если ситуация безвыходная, если народ страдает? – Ельцин стал подниматься в вагон. – Подумай, Юрий Владимирович, подумай. Я намерен поставить этот вопрос на заседание бюро обкома. Надеюсь, поддержишь? Ну, пока! Отправляйте поезд. Не годится срывать расписание, – он скрылся в вагоне.

Сарваров рдел от удовольствия. Он будет долго помнить то могучее рукопожатие могущественного первого секретаря обкома КПСС. Так вот и стал Сарваров третьим встречающим на перроне. Стал особой, особо приближенной к самым верхам. Не по чину, конечно, но...

Когда же КПСС, как говорится, благополучно почила в бозе, он не остался без дел. Наоборот, новая власть, считая бывшую партноменклатуру единственно ценной и могущей хоть что-то сделать для блага трудящегося, единственно дееспособной силой, пригласила Сарварова под демократические знамена. Тот, не смущаясь тем, что только что верой и правдой служил совсем другому режиму, охотно принял предложение. И вот с тех пор он уже много лет является первым заместителем главы администрации района. И это лишь формально, а фактически... Ни для кого не секрет, что глава администрации – тряпка, первый заместитель им крутит-вертит только так. Все важнейшие вопросы решает он, Сарваров, а шеф – лишь «свадебный генерал» с представительскими функциями, который ни одной бумажки не подпишет, предварительно не получив «добро» от своего Леонида Федоровича.

Леонид Федорович в районе – это все. Вот и лебезят перед его сыночком учителя школы. Вот и действуют по принципу: три пишем – два в уме. То есть в журнал лентяю Сарварову-сыночку следовало бы закатить жирную двойку, но на деле ставят тройку – от греха подальше.

8 СЕНТЯБРЯ. СРЕДА. 16. 40.

После окончания уроков восьмиклассники шумно высыпали на улицу, а там – холодно и сыро. Ветер рвет и мечет, дождь переходит в снег и наоборот.

«Серый» отошел в сторонку и стал ждать подружку из параллельного класса. Что-то она задерживается. А ведь заранее условились домой пойти вместе. Завидев одиноко стоящего парня, подошел «Комар»:

– Ждешь? – «Серый» утвердительно кивнул. – Губа у тебя не дура: баба-то классная. Везет же некоторым.

– Хороша Маша, но, к счастью, не ваша, – по-взрослому (от отца не раз слышал) ответил он.

– И чего она в тебе нашла? Ни кожи, ни рожи.

– Каждому своё: одним по душе поп, другим нравится попадья, а третьим – попова дочка.

«Серый» не очень-то, если честно, хорошо понимал смысл поговорки, но часто использовал, потому что так говорил отец.

– Ты такой умный, да? – «Комар» набычился. – Схлопотать хочешь?

– За что? – глядя тому прямо в наливающиеся кровью глаза, спросил «Серый». – Да и не боюсь я тебя.

– Нет, ты все-таки по сусалам схлопочешь у меня, – «Комар» сжал кулаки.

«Серый», примиряюще, сказал:

– Леха, оставь меня в покое. Я стою, ни тебе, никому либо еще не мешаю.

«Комар» стал остывать.

– Слышь-ка, «Серый», это правда, что ты сегодня отшил «Сару»?

– Трус есть трус.

– Да уж... Достаточно цыкнуть – начинает ссать на голяшки. Слизняк. Только благодаря маменьке-папеньке и держится в школе. Я бы таких давил как клопов.

– Зачем «давить»? Не надо. Пусть живет. На земле и такие нужны.

– Жалеешь? Зря! Если что, уж он-то тебя, ни в жизнь не пожалеет.

– Пусть, – сказал «Серый» и, завидев выходящей из дверей школы подружку, махнул той рукой. А «Комару» бросил. – Пока.

– Пока-пока, – ответил «Комар», сплюнул на ступени и вразвалку направился в сторону группы одноклассников, ушедших уже на почтительное расстояние, потом снова сплюнул под ноги и по-взрослому добавил. – Совет вам да любовь.

8 СЕНТЯБРЯ. СРЕДА. 19. 10.

Лёха Комаров только-только дошел до дома. Держа под мышкой сумку с учебниками, он поднялся на третий этаж, открыл дверь квартиры своим ключом, вошел, бросил в сторону сумку. Скинул старенькие и стоптанные ботинки.

– Мам, ты дома? Жрать хочу!

Никто не ответил.

– Ну, опять...

Он прошел на кухню. Включил газ, поставил сковородку, заглянул в холодильник, достал маргарин, откромсав от него изрядный кусок, бросил на разогревшуюся сковородку. Достал четыре яйца, разбив, стал ждать, когда поджарится глазунья.

Вот его традиционный ужин готов. Он стал с жадностью есть. Но тут он услышал, что кто-то скребется возле входной двери. Встал, прошел и открыл. Там, прислонившись к косяку, – его мать: стоит и глядит на сына мутными глазами.

– Что, устала? – издевательски разглядывая мать, спросил он.

– З-здравствуй, сынуля, – сказала заплетающимся языком мать и попыталась отделиться от косяка и перешагнуть порог. – И-и-извини... я... э-э-то... У п-п-прия-я-я-тельницы день ангела сегодня... Ну и вот... Кажись, набралась... И-и-извини мать... Я э-э-то... Ну, не специально!

Ноги у нее подкосились. Упала бы, но сын не дал и втащил в квартиру.

– Нажралась. Нет бы и сыну полбанки прихватить.

Мать прилагала отчаянные усилия, чтобы утвердиться на плохо слушающихся ногах, но из этого ничего не получалось.

– М-м-мал еще. В-в-вот в-в-вырастешь и... б-б-будешь зара... зара-батывать... – говорила она, продолжая полулежать на полу прихожей.

Сын вернулся на кухню. Налил себе чай. Стал припивать.

Мать, продолжая шарашиться, с трудом добралась до кухни, вскарабкалась на табурет и попыталась погладить сына по голове, но тот отстранился.

– Опять приперлась без гроша в кармане? Вмазать бы...

– Т-т-ты чего? М-м-ма-а-ать я т-т-тебе или к-к-кто?

– Одно название, что мать.

– Не-е-е в-в-всегда я, с-с-сынуля пила. Э-э-то все отец т-т-твой... Сгубил меня, – по щекам пьяной женщины потекли слезы. – У-у-у, – она погрозила кулаком, – уголовник п-п-проклятый. Н-н-но ты не будешь, да? Ты б-б-будешь учиться, д-д-да? Ты у-у-у меня инженером станешь... Да, и-и-инженером, – она стукнула кулаком по столу, уткнулась носом в столешницу, и захрапела.

Сын отнес мать на кровать, а сам спустился во двор, где его уже поджидали дружки.

– «Травки»? – спросил один из них. – Один «косячок» на твою долю найду. Как-нибудь расплатишься.

– Давай!..

9 ОКТЯБРЯ. СУББОТА. 7. 15.

Иван Андреевич, заканчивая вытирать лицо концами повешенного на шею махрового полотенца, вошел на кухню. Здесь уже были все, то есть почти все. За обеденным столом, болтая ногами и мурлыкая песенку из репертуара группы «НА-НА», сидит в ожидании завтрака десятилетняя Светланка. У ее ног, на полу валяется сумка с учебниками.

Отец, не заметив рюкзачок, запинаясь. Чертыхнувшись, наклоняется и поднимает с пола сумку. Он сурово смотрит на дочь.

– Это что?

– Какой ты, пап, смешной! Не видишь, что ли?! – девочка крутит в руках вилку и смотрит в потолок.

– Я-то вижу, а вот ты... – и добавляет, – больно умная... не по возрасту...

– Папуль, тут уж ничего не поделаешь: поколение нынче такое умное.

– С чего это ты, доченька, взяла? – отец с трудом сдерживается, чтобы не рассмеяться.

– Как же! Каждый день по телевизору говорят.

– Ты бы пореже у телевизора сидела, и тамошний трёп поменьше слушала, побольше бы заглядывала в книги, в классику... А, ну! – отец сердито трясет рюкзачок перед глазами девочки.

Дочь, крайне нехотя, встает, берет рюкзачок и относит в прихожую. Оттуда доносится звук шлепнувшейся сумки.

– Подними и положи аккуратно на стул! – возвышает голос отец и недовольно добавляет. – И что только из нее вырастет.

Девочка стоит в проеме двери и слышит последние слова, явно же ей адресованные.

– Не волнуйся, папуль: все будет «о кэй». Вот увидишь: вырасту – организую классную рок-группу. Я даже название придумала – «Соловушка». Как?

– И ты, конечно, солировать собираешься? – в глазах отца появляются смешинки.

– Естественно!

На своем месте, у электроплиты, что-то помешивая в кастрюле, хмыкает бабушка и недоверчиво произносит:

– Ну-ну...

– А, что, бабуль, слабо?!

– Поживем – поглядим.

Девочка обиженно надувает свои пухленькие губки, отворачивается к стене и бурчит:

– Ну, бабуль, ты неисправима.

Мать ставит на стол тарелки с борщом и укоризненно говорит:

– Так нельзя, девочка, с бабушкой: не ровня.

Светланка начинает кукситься, пытаясь «выдавить» слезу. Но слеза, ну, никак не хочет появляться на глазах.

– А что она?! – восклицает девочка и начинает притворно хныкать. – Не любит меня бабуля. Сережка для нее – это да, а я... будто чужая ей.

Бабушка молчит: она-то знает хорошо эти Светланкины «штучки». Мать же ласково гладит ее по волосам и успокаивает:

– Зря ты, доченька. Бабушка тебя тоже любит. Бабушка всех нас любит.

– Да-а-а... А Сережку – больше всех.

Иван Андреевич, оторвавшись от тарелки с борщом, поднимает глаза на жену.

– А кстати: где он? Почему не за столом? Все еще дрыхнет?! Ну, я ему, – отец поднимается с места.

Его останавливает жена.

– Ешь, Ваня. Я сама схожу.

Муж, собственно, даже рад, что эту неприятную миссию исполнит жена. Он садится.

Теща недовольно крутит головой и застывает.

– Оставьте парня в покое, – говорит она. – Пуцай малый лишние пять минут понежится в постели.

– Портишь, мам, внука.

– А что я говорила?! – успевает вставить Светланка и язвительно добавляет. – Сережка – Ясно Солнышко.

Бабушка обиженно надувается и отставляет в сторону тарелку.

– Ну, да! Ну, конечно! Вы знаете, как надо с детьми, а я нет... Конечно... Откуда мне знать-то? Своих-то ведь не было никогда... Вона, какая дылда, – она тычет сухоньким кулачком в спину своей дочери, – а ведь без отца вырастила... И, вроде как, ничего девка... При образовании и при деле... Не то, что у других... Вы знаете, как воспитывать, а я – нет.

Нина Викторовна выходит, чтобы поднять сына, который действительно любит больше других по утрам нежиться в постели.

Светланка хихикает. Она хихикает оттого, что ей больно уж пришлось по душе бабушкины слова «дылда» и «девка».

Отец смотрит на дочь.

– Ты почему не ешь борщ?

Девочка соорудила недовольное лицо.

– Не хочу, пап. Я же девочка.

– Ну и что? Девочки не едят, что ли? Ешь, давай, и помалкивай.

– Мне нельзя.

– Это еще почему?

– Я – на диете

– Ты?! На диете?!

– Ну, конечно, пап. Не хочу я выглядеть толстушкой. Толстушек мальчишки не любят.

Отец округлил глаза. Он знает, что девочка растет не по годам, но чтобы в десять лет и о мальчишках думать?!

– Глупости! – сердится отец. – Об этом думать будешь потом.

– О чем, папуль?

– Ну... это... о мальчишках... еще рано...

– Когда, папуль, в самый раз? Когда состарюсь? Когда как бабушка стану?

Отец недовольно крутит головой.

– Пока что старость тебе не грозит.

– Пока – да. Но годы пролетят...

Иван Андреевич сердито прерывает:

– Ладно, девочка, замнем для ясности, – он поворачивается к теще. – Вера Осиповна, что нынче за дети?

Теща поджимает сухонькие губы.

– Это все телевизоры... Насмотрятся и несут невесть что, – и тут же укорила. – Позволяете много.

– А вы, мамаша, не позволяли?

– Я?! – всплещкивает руками старушка. – Я, зятек, строго так... Чуть-чуть – укорот сразу.

– То и видно, – выразил сомнение зять. – Внуков кто балует?

– Ну... это... Внуки – не в счет. Внуки – не дети. Внуки – больше, чем дети. Будут свои внуки – поймешь.

– У папы внуки? – спрашивает Светлана. – Откуда!?

– А ты, красавица, не встревай, когда взрослые разговаривают, – осадил девочку бабушка.

На кухне появилась Нина Викторовна с сыном. Тот только что умылся, и на веснушчатом носу светились водяные капельки, и топорщился влажный хохолок на лбу.

– Доброе утро, папочка, – мальчик прижался к отцу. – Здравствуй, моя любимая бабуленька, – он обнял Веру Осиповну за шею. – Привет, старуха! – он легонько ткнул в спину сестренку.

Светланка зарделась, испытывая особое удовольствие от тычка.

– Привет, соня-засоня! – она тоже толкнула брата в спину.

Сергей упал на свободный табурет, уставился в тарелку.

– Ну, вот! Опять борщ...

– А вы, сударь, чего изволите? – язвительно поинтересовался отец и добавил. – Ешь молча. Не миллионеры, чтобы всякие разносолы. Слава Богу, это есть. Да и борщ-то с тушенкой, свежими овощами – вкусный очень. Готовила-то бабушка...

– Бабуль, ты? – та кивнула. – Тогда – совсем другое дело, – он отчаянно стал хлебать.

Мать ревниво посмотрела на сына.

– Я, что, плохо готовлю?

– Мам, нет! Ты меня не так поняла.

– Да уж... Поняла тебя, как надо.

И вот дети в прихожей. Они одеваются, чтобы пойти в школу. Из кухни доносится голос матери:

– Про шарфики не забудьте. Погода-то, вон какая: не зима – не осень.

Отец пьет чай. Мать, собрав грязную посуду, принялась за мытье. Бабушка встала, проковыляла в прихожую, сунула незаметно в карман куртки внука два червонца. Он знает, что это такое: бабуля вчера получила пенсию и теперь, вот, делится ею с ним. Как она выражается, «отстегивает положенную социальную помощь подрастающему поколению».

Бабушкин маневр не остается незамеченным со стороны внуки.

– Ну, опять! – громко восклицает она. – А я, рыжая?

– Тс-с-с, – шепчет бабушка. – Ты пока еще мала. Да и у Сережки есть подружка, у тебя же...

– Ну, ладно. Ну, хорошо, – также шепотом говорит девочка. – завтра же заведу дружка.

– Что ты, говоришь? Он мальчик, ты девочка.

– Какая разница?

– Ну, как же! – шепчет бабушка. – Девочку кто приглашает в кино? Мальчик! Кто билет должен на нее купить? Мальчик! Так принято. Поэтому у мальчиков и возникают дополнительные расходы.

В прихожей наступает тишина. Хлопает входная дверь. Родители слышат, как с шумом их дети сбегает по лестнице вниз.

Бабушка возвращается на кухню, наливает чай и тоже начинает пить горячий напиток, прикусывая конфеткой – это ее давняя-предавняя привычка.

Нина Викторовна выражает недовольство.

– Зачем, ты это делаешь мама? Деньги ему ни к чему. Сколько раз говорила, а ты все свое.

– Я? Что? Я ничего... Какие деньги, дочка? Никаких денег. Тебе показалось.

– Не морочь мне, мам, голову.

– Ладно, дала десятку, – вынуждена признать Вера Осиповна. – Парню нужны карманные... Большой уже... Не ругайся, дочка... Я же чуть-чуть... Не могу ничего поделать: люблю я парнишку, очень люблю.

– За что?

– Ни за что... просто так... За что-то не любят... За что-то уважают.

– Балует парня. Не на пользу это.

– Скажешь тоже: я и балую?!

Иван Андреевич не стал вмешиваться в разговор тещи с дочерью. Он не то, чтобы одобряет баловство. Нет. Но он также хорошо понимает: теща это делает не со зла. Кроме того, вряд ли зятю стоит вмешиваться в небольшую перепалку матери и дочери. Себе дороже. Вмешаешься и, в конце концов, сам же и окажешься между двух огней. У него отличные взаимоотношения с тещей. И проблемы ему не нужны.

Глава 2. Тревога

9 ОКТЯБРЯ. СУББОТА. 16.35.

Гудит на всю квартиру машина «Вятка». Нина Викторовна затеяла большую стирку.

Вера Осиповна, плотно прикрыв двери гостиной, чтобы машинный гул поменьше мешал, сидит на тахте, в руках мелькает крючок: она плетет кружева – это ее любимое занятие. Одновременно, смотрит телевизор, где показывают очередную серию фильма «Богатые и знаменитые». То и дело фыркает и комментирует вслух происходящее:

– Мафия... Да, ихняя мафия... Вот бы показали нашу мафию... Она покруче будет, – слово «покруче» бабушка переняла от внука. – Этот Лусиано... Забавный такой... Похоронил тайно... А кого – не знает: то ли свою бывшую жену, то ли совсем чужого человека... Ишь, Берта-то, какая... Ничего не боится... Ничего, допрыгает, укоротят.

Открывается дверь. Входит внучка.

– Уже? – спрашивает бабушка.

– Давно... Я еще с подружкой больше часа в подъезде болтала, – внучка присаживается на тахту, прислоняется к бабушке. – Опять эта... Наталья Орейра. Бабуль, она тебе нравится?

– Ничего девчонка... хорошая... Только в кого она? Ни в отца, ни в мать...

– Ты чего, бабуль? – удивляется внучка. – Это же не настоящие родители, это артисты, – Светлана вскакивает, подбегает к трюмо, стоящему между тахтой и сервантом, смотрится, принимает разные позы, строит разные рожицы. – Бабуль, а я лучше или хуже ее?

– Ты? Ничего. Тоже будешь красавицей...

– Буду? А сейчас, что? Уродина?

– Что ты, девочка! – бабушка машет рукой. – Ты у нас – красавица писаная. Вся в мать.

– В маму? – переспрашивает Светлана. – Но папа говорит, что я его дочь.

– Его то его, а не в него ты пошла. Ты в нашу породу, в хохлятскую. А он, черт лысый...

– Почему, бабуль, обижаешь папу?

– Обижаю? Я? – удивляется бабушка.

– Ну, да! Ты сказала: черт лысый.

Бабушка смеется и гладит внучку по голове.

– Я так... любя ведь...

– Любя... ничего себе, любя...

– Ты мне вот что, красавица, скажи: как в школе?

Девочка сразу скучнеет.

– В школе, бабуль, все о кэй... Как обычно.

– Ясно, – бабушка подтрунивает над девочкой, – пару отхватила. По какому?

– Ни по какому! – сердится девочка. – Забыла, что я отличница?

– И отличница может оконфузиться.

Светланка заливисто хохочет: уж очень забавляет бабулино слово «оконфузиться».

– Сегодня, бабуль, за диктант и по математике – пятерки. Ну, что скажешь? – бабушка недоверчиво качает головой. – Ты мне не веришь? Хочешь, дневник принесу, хочешь?!

Бабушка смеется.

– Внученька, верю я, верю. Шуток не понимаешь? – она наклоняется к уху девочки и шепчет. – Отцу сказала?

– О чем?

– Насчет пятерок.

– Нет еще. Он ушел по магазинам, за продуктами, обязательства завхоза исполняет.

– Скажи. То-то, черт лысый, возрадуется!

В гостиную заглядывает Нина Викторовна. Она вытирает влажный лоб передником, поправляет длинные и густые русые волосы на голове, собирая их в пучок.

– А где сорванец? Не пришел? Все еще?

Светлана отрицательно качает головой.

Бабушка застывает.

– С друзьями где-нибудь... Или в кино с подружкой пошел. В «Родине» сегодня мультсборник «Каспер и его друзья».

– Все-то ты, мам, знаешь о внуке.

– Нет, не знаю. Но... догадываюсь.

– Мог бы и позвонить, – укоризненно замечает Нина Викторовна.

Светлана смеется.

– Мама, откуда позвонить-то? Ни одного автомата работающего, все без трубок.

Нина Викторовна все равно возражает:

– У подружки дома есть телефон... Ладно, пойду. Машина отключилась.

Нина Викторовна уходит. Бабушка недовольно качает головой и ворчит.

– Сколько раз говорила: задерживаешься – позвони.

Светлана знает, о ком речь.

– Зато любимчик, – Светланка не упускает возможности подколоть бабулю.

– Глупышка, тебя я тоже люблю.

– Не так, как его.

– Девочка моя, он... как две капли воды, дед... Мне Витюшку напоминает, – бабушка крестится, – царствие ему небесное.

– Кому «царствие небесное»? – уточняет Светлана.

– Тьфу-тьфу, Бог с тобой, – бабушка вновь осеняет себя крестом. – Кому-кому... Деду вашему, а кому же еще-то?

9 ОКТЯБРЯ. СУББОТА. 17. 20.

Иван Андреевич, прикрыв за собой входную дверь, положив на стул сумки с покупками, стал снимать мокрые ботинки.

– Уффф, ну и погода!

Из ванной выглянула жена.

– Сережку не видел?

– А, что, все еще нет? – вопросом на вопрос ответил Иван Андреевич. – И не звонил?

– Нет.

– Ну, мерзавец! Ну, я ему задам! Родители волнуются, а ему хоть бы хны.

– Все купил? – спрашивает Нина Викторовна, изучающе глядя на сумки.

– Кажется... Согласно твоим наставлениям.

– Мама! – громко кричит Нина Викторовна.

Из гостиной выходит Вера Осиповна, а за ней хвостик – Светланка.

– Не кричи так. Слышу.

– Я, мам, скоро закончу, а вы займитесь ужином. Пусть он будет сегодня праздничным.

– С чего бы? – интересуется Вера Осиповна.

– Ни с чего. Блинчики с мясом хочу. Ваня накрутит фарша, а ты, мам, заведи тесто.

– Блинчики с мясом? – переспрашивает Светлана. – Отлично! Люблю блинчики с мясом.

– А как насчет диеты? Ты же полнеть не хочешь? – язвительно говорит мать.

– Ничего страшного. Не каждый же день такое.

Нина Викторовна смеется.

– Голод – не тетка.

9 ОКТЯБРЯ. СУББОТА. 19. 10.

За столом, где на большом блюде отдают жаром румяные блинчики, собралась семья. Нет лишь Сергея.

– Ну и пусть... Семеро одного не ждут, – говорит Нина Викторовна и присаживается на свободный стул. – Давайте ужинать. А он... Болтается – будет есть остывшее.

Вера Осиповна встрепелась.

– Ну, да! – она берет свободную тарелку, кладет на нее три блинчика, встает и ставит в духовку. – Сереженьке... После холода – будет в самый раз.

– Ну, бабушка, ну! – жуя блинчик, хитро подмигивает Светлана.

– Что, Светик, что? Внучёк же... Кто позаботится, как не бабушка?

– У него еще и родители есть... Не сирота.

– Они больно строги к мальчишке, уж больно строги!

– Мы? Строги? – удивляется Иван Андреевич. – Вернется, всыплю, как следует, – тогда узнает, что такое строгие родители.

– «Всыплю», – передразнивает Вера Осиповна. – Покуда жива – не будет этого.

Нина Викторовна укоризненно говорит:

– Портишь, мама, внуков.

Вера Осиповна обиженно поджала губы.

– Ну, конечно: кто виноват? Бабушка, а то кто же?!

Сидящая рядышком Светлана, прижалась к бабушке.

– Не обижайся, бабуль, на предков. Они же любя.

Вера Осиповна улыбнулась и погладила сухонькой ладонью по голове девочки.

– У, ты, моя красавица.

Светлана, хихикнув, замечает:

– Вот и я, наконец-то, удостоена...

– Брысь, – говорит бабушка, – язва этакая, – она встает и идет к плите. Она качает головой. – И в кого только? От горшка два вершка, а всё туда же.

9 ОКТЯБРЯ. СУББОТА. 19. 40.

Нина Викторовна вымыла посуду, насухо вытерла полотенцем и составила в пристенный шкаф. Глянула на часы.

– Нет, это надо же! – воскликнула она. – Скоро ночь, а парня все нет и нет. Пойду, позвоню.

Она идет в гостиную. В след за нею потянулись и другие.

Нина Викторовна набирает номер 5—24—24. Редкие гудки. Наконец, там снимают трубку.

– Добрый вечер... Извините, что беспокою, но нашего Сергея все еще нет дома. Может, ваша девочка знает. Она дома?.. Да?! Это новость... Мы думали, что она с моим в кино пошла... Может подойти к телефону?.. Здравствуй, Наташа... Не знаешь, где мой Сережа?.. Ты его сегодня не видела? Совсем?.. Странно, очень странно... Да, как не беспокоиться, Наташа, на улице темень, непогода... Позвоню... Конечно, позвоню.

Нина Викторовна кладет трубку, тотчас же снимает и набирает номер 5—26—48.

– Здравствуйте... Можно Веру?.. Нет-нет, ничего особенного... извините... Просто мой сын учится с ней в одном классе... Да-да... Вера, не знаешь, где может находиться Сергей?.. Да, до сих пор не вернулся... Как ушел в школу, так больше мы его не видели... Беспокоюсь... Как это «не стоит»?.. Поздно уже... Значит, не знаешь?.. А какие-то дополнительные задания или внеклассные занятия?.. Нет?.. Никаких?.. Нет-нет, звонила к его подружке. Та дома и его сегодня не видела... Возможно... Но раньше он всегда предупреждал родителей, да и не задерживался допоздна... Ладно, извини за беспокойство.

Нина Викторовна положила трубку.

– Где он?

Тревожный взгляд женщины бегал по присутствующим. Ее лицо постепенно покрывалось мертвенной бледностью.

К ней подошел муж и положил на плечо руку.

– У-у-успокойся... Н-н-не в-в-волнуйся...

– Ты? Меня успокаиваешь, а сам не меньше меня волнуешься. Вон, заикался.

– П-п-пойду, п-п-похожу п-п-по у-у-улице, п-п-по д-д-дворам. М-м-может, в-в-встречу.

Иван Андреевич оделся и вышел.

Нина Викторовна металась по гостиной.

– Мама, что делать, что?! Это все ты, ты! Зачем дала деньги, зачем?! Господи!

Вера Осиповна подняла руку, открыла рот, что-то хотела сказать, но не смогла: она, неловко подвернув голову, стала валиться на бок.

– Бабуль, бабуль! – истошно закричала Светлана. – Что ты? Что с тобой!

Нина Викторовна обернулась.

– Мама! – она кинулась к старушке. – Только этого не хватало! Света, беги на кухню. Там, в столе ее сердечные таблетки. Тащи скорее!

Девочка убежала, а Нина Викторовна стала массировать грудную клетку.

Светлана принесла и протянула дрожащей рукой таблетки. Нина Викторовна взяла две таблетки и, раскрыв рот, положила под язык. Руку старушки не отпускала, следя за биением пульса.

Через минуту пульс стал ровнее, взгляд старушки стал осмысленнее.

– Мама-мамочка, прости меня, дуру набитую, прости!

Старушка подняла руку и погладила дочь по волосам. Но она все еще была слаба. Рядом сидела внучка, обнимая бабушку за голову.

– Надо «скорую» вызвать.

Вера Осиповна, с трудом шевеля губами, тихо произнесла:

– Не надо, доченька... Мне уже лучше... Ты лучше обзвони больницы, милицию... Мало ли... что могло случиться.

Нина Викторовна так и сделала. Но десяток звонков ничего не дал. Везде говорили одно и то же: по их данным, Чудинова Сергея Ивановича не значится.

Ничего не могли сказать и одноклассники. Они в голос твердили: Сергей ушел из школы вместе со всеми, и они не знают, где он.

10 ОКТЯБРЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ. 00. 35.

Оперативный дежурный Промышленного райотдела внутренних дел Степан Алексеевич Смирнягин зевнул и с хрустом в суставах потянулся. Он встал, подошел к окну. Там, за стеклом свирепствовала непогода: дул сильный ветер и шел липкий снег.

– Ну и погодка! Просто – зверь.

Откликнулся старший лейтенант Окуневский, сидевший в углу дежурной части и разгадывавший кроссворд.

– Погода шепчет: займи, но выпей.

Смирнягин вернулся на свое место.

– Кто о чем, а вшивый – о бане, – он громко с хрипотцой рассмеялся.

Окуневский, оторвав глаза от газеты, посмотрел в его сторону и покачал головой.

– Юмора твоего, капитан, не понимаю. Лучше скажи мне: что это за парусное судно из четырех букв, первая буква «б»?

Смирнягин не стал долго ломать голову.

– Баржа.

Окуневский вновь осуждающе покачал головой и поцокал языком.

– Ну и ну! Я же сказал из четырех, а не из пяти букв. Это – во-первых. Во-вторых, капитан, я никогда не слышал, что баржа – парусное судно.

– А какое?

– Баржа, дорогой мой, – такое плавсредство, которое, попервости, тягали с помощью лямок, шедшие по берегу бурлаки, а после придумали для них двигатели. И они самостоятельно стали передвигаться по рекам.

За одним из столов, уткнувшись лбом в столешницу, дремал, посапывая носом, сержант Носов, водитель дежурной машины. Он неожиданно поднял голову и произнес:

– Барк.

И голова сержанта вновь упала на стол.

– Видишь, Носов даже в спящем положении знает, а ты нет.

– Ничего удивительного, – возразил Смирнягин. – Он три года «тянул лямку» на флоте. Ему ли не знать?

– Ну, хорошо: а знаешь ли ты, голубчик, кто написал оперу «Жизнь за царя»? Даю подсказку: последняя буква «а», всего букв шесть.

– Ясно: композитор Глинка.

– Ты прав, – Окуневский стал вписывать в клеточки буквы. – А откуда, капитан, тебе сие ведомо?

Смирнягин не отказал себе в удовольствии «подколоть» коллегу, то есть отплатить тому той же монетой.

– Старшему лейтенанту Окуневскому следовало бы знать, кто автор музыки нынешнего гимна России.

– А причем тут гимн России?

– Притом! Музыка для гимна России как раз и взята из оперы Глинки «Жизнь за царя».

– Ну, ты молодец!

– Ничего особенного, – Смирнягин для науки еще раз решил «подколоть» Окуневского, чтобы впредь не очень-то заносился. – Это нынче знает каждый школьник.

– Признаю: ловко ты меня дважды поддел... А вот скажи...

– Отстань, я занят, – сказал Смирнягин и стал заполнять лежащую перед ним «амбарную» книгу.

– И что «кипятится»? Со скуки ведь помереть можно. Хоть бы какой-то ложный вызов, что ли? Ни одного звонка. Словно, все вымерли. Словно, в городе стало некому совершать преступления.

– Хорошо бы так-то. Но, увы... – Смирнягин сделал паузу. – В такую-то погоду хороший хозяин на двор и пса не выгонит. А ты хочешь, чтобы преступники... Нет, не дураки они. Заметил: чем отвратительнее погодные условия, тем спокойнее дежурство. Так бы всегда...

Смирнягин услышал хлопающую входную дверь, чьи-то шаги. У оконца дежурной части он увидел женское встревоженное лицо. Он подошел.

– В чем дело? – спросил он.

– Наш мальчик исчез.

– Когда? – спросил Смирнягин.

– Утром. Как ушел в школу, так и не вернулся. Где он? Что с ним? Обзвонили друзей, подруг, но никто ничего не знает.

– По больницам звонили? – спросил Смирнягин.

– Да, но там мальчика с нашей фамилией, говорят, нет.

– Пройдите сюда, в комнату,

Смирнягин открыл дверь, впустил женщину и мужчину. Сам сел за письменный стол.

– Расскажите еще раз, я запишу в журнал дежурства... на всякий случай.

– На всякий случай? Почему на всякий случай? Мальчик исчез. С ним что-то произошло... Его надо искать

– Видите ли, гражданка...

– Чудинова Нина Викторовна.

– Видите ли, гражданка Чудинова Нина Викторовна, у пацанов есть такая довольно распространенная манера неожиданно исчезать из дома...

– Но наш не такой, – возразила Нина Викторовна. – Наш никогда и никуда не исчезал.

– Все так говорят, когда приходят к нам. А потом мы находим беглеца в какой-нибудь Вологде или Костроме. Узнаем, что пацан в десятый раз ударяется в бег. Потому что дома невыносимые условия жизни: вещь распространенная. Дня не проходит, чтобы не пришла с подобным заявлением полупьяненькая мамаша... Пьете?

– Ну... Разве что по праздникам...

– А праздники каждый день, – добавив, Смирнягин рассмеялся.

– Почему вы так разговариваете? Мы пришли, чтобы сделать заявление... А вы...

– Ну, хорошо, гражданка, вот вам бумага, ручка, пишите заявление, зарегистрируем...

– Только зарегистрируете?

– А вы чего хотели бы?

– Хотела... хотела, чтобы был организован поиск исчезнувшего сына.

– Объясняю, гражданка: вы подаете заявление, мы его подшиваем, и несколько суток не предпринимаем никаких действий.

– Почему?

– Такой порядок. Кстати, не мною установлен.

– Станный какой-то ваш порядок.

– Порядок есть порядок и обсуждению не подлежит. Он подлежит исполнению. Вам ясно?

– Нет, мне совсем не ясно. Мальчику, может быть, плохо. Мальчику нужна помощь... А заявление...

– Да вы не волнуйтесь: придет ваш сын. Набегается и придет. Вот увидите. Поверьте моему опыту. Ну, а если и через трое суток не объявится, то объявим в федеральный розыск. И, будьте уверены, найдем беглеца в каком-нибудь спецприемнике-распределителе.

– Как легко вы ко всему относитесь.

– А как, позвольте спросить, я должен относиться? В семьях ужасные условия, из этого ада подростки бегут, куда глаза глядят. К нам заявляются такие вот мамы-папы, гореродители, плачутся в жилетку, просят разыскать свое чадо. Милиция тратит средства, силы... Вам бы воспитанием сына получше заниматься, побольше к нему внимания, ласки, теплоты.

– Н-н-но м-м-м-мы, – страшно волнуясь и с трудом сдерживаясь от ярости, начал Чудинов-отец, но жена его остановила, взяв за руку.

– Как вы можете такое говорить, если нас впервые видите и ничего о нас не знаете?! – воскликнула Нина Викторовна.

– Знаю, я все знаю, гражданочка... насмотрелся.

– Ну, и что же нам делать, прикажете?

– Только ждать и ничего более. Не объявится беглец, милости просим до нас. Займемся, как положено. До свидания!

Чудиновы встали и пошли к выходу. Уже у дверей Нина Викторовна обернулась.

– Скажите, у вас есть дети?

– Есть, – Смирнягин рассмеялся. – И даже трое: мальчик и две девочки.

– Если бы с вами такое... Как бы вы...

– Я? Я бы поступил так: нашел, отодрал бы, как Сидорову козу. Так бы отодрал, что он дней десять на задницу боялся присесть. Больше, уверяю, он бы ничего подобного с родителями не совершил. Вас, конечно, такой метод воспитания не устраивает. Что ж, каждому свое!

Чудиновы вышли.

– Зря ты с ними так-то, – сказал осуждающе Окуневский. – Люди убиты горем, не видишь?

Смирнягин озлился.

– Не лезь, Яша, не в свое дело!

– Это действительно не мое дело, но ты все же позвони в дежурную часть городского управления, а? Спроси. Не исключено, что там что-то могут и знать об исчезнувшем мальчишке. Бывает всякое. Сам знаешь.

– Советнички... Из страны советов... А, ладно, – он набрал номер телефона. – Капитан Смирнягин... Так точно... Да, понимаете, только что двое родителей были... Оставили заявление... О чем? О, якобы, исчезновении сына... Вот я и звоню: может, у вас какие-то сведения есть?.. А его данные следующие: Чудинов Сергей Иванович восемьдесят пятого года рождения, учащийся восьмого «а» класса сто тридцатой школы. Проживает: улица Газетная, дом пять, квартира четырнадцать. Родители: мать – Чудинова Нина Викторовна, отец – Чудинов Иван Андреевич... Пацан утром ушел в школу и не вернулся... Что?.. Нет-нет, говорят, он отсидел все уроки... Ясно, жду... Слушаю... Так... Как я и предполагал: ни в одном райотделе нет никаких данных о пацане... Да, я родителям так и сказал: набегается, особенно по нынешней непогоде, жрать захочет и вернется... Как обстановка в городе?.. У нас тоже – ти-ши-на. Благодарить-то какая... Ну, всего!

Смирнягин положил трубку. Встал, подошел к угловому столику, где кипел чайник, налил в большую кружку, бросил пару пакетиков заварки, помешал и стал пить небольшими глотками.

На пульте замигала лампочка.

– Яша, подойди. Из управления добиваются, – попросил Смирнягин.

Окуневский подошел к пульту, нажал на клавишу.

– У телефона... Эксперт-криминалист... Дежурный? Здесь он... Чай пьет... Слушаю... Да... Да... Так точно... Понял... Слушаюсь.

Окуневский нажал на клавишу, и лампочка перестала тревожно мигать.

– Ну? – Смирнягин вопрошающе смотрел на Окуневского. – Что им надо?

– Дежурный по городу... Он сообщает, что в Пригородный райотдел доставлены подростки. Подрались между собой, составляется протокол. Среди них, говорит, есть парнишка, у которого фамилия «Чудинов». Предлагает связаться с коллегами, выяснить, не тот ли, кого ищут наши родители.

– Понял, – Смирнягин отставил кружку, подошел к пульту, сел за пульт и набрал на аппарате, стоящем справа, номер. Там, куда он звонил, тотчас же ответили. – Привет коллеге... Как дела?.. В порядке... Ничего серьезного... Тоже?.. И слава Богу... Что позвонил?.. Из управления сообщили, что к вам доставлены драчуны-подростки, похулиганившие... У тебя?.. Среди них есть Чудинов, восьмиклассник?.. Есть?.. Вот, паршивец! Родители с ног сбились, а он... Какие родители? Обыкновенные. В наш райотдел обратились с заявлением об исчезновении... Почему к нам? Очень просто: живет-то, паршивец, в черте нашего района, по улице Газетной... Что-что?! Как это не у нас?! Вот, передо мной заявление его родителей: пропал Чудинов Сергей Иванович, учащийся сто тридцатой школы; утром ушел в школу, отсидел все уроки, потом исчез в неизвестном направлении... Как это не тот? Как вашего задержанного зовут?.. Виталий?.. А не врет?.. Нет?.. Что? Чудинов Виталий проживает в Дзержинском районе? Это точно?.. Что-что? И родители уже за ним едут?.. Не ошибка, нет?.. Надо же... Однофамильцы, выходит... Какое странное совпадение... Ну, будь здоров! – Смирнягин положил трубку и хмыкнул. – Я-то уже подумал, что нашелся наш стервец. Выходит, не он.

10 ОКТЯБРЯ. ВОСКРЕСЕНЬЕ. 00. 55.

Юлия Алексеевна проснулась из-за стука входной двери. Встала, потянулась, поморщилась, вышла в коридор. Лёха, снимая грязные кроссовки, глядя на мать, спросил:

– Какого черта встала?

– Ты как с матерью разговариваешь?

– А как надо? Научи!

– Где был? Что делал?

– А, отстань...

– Как это отстань?! Мать я тебе или нет?

– Какая ты мать? Днем – на барахолке, вечером – в дупель пьяная. Похавать даже некому приготовить.

Юлия Алексеевна поморщилась от головной боли.

– Что, с похмелюги? – спросил, язвительно ухмыляясь, Лёха.

Мать отрешенно махнула рукой, прошла на кухню и стала шуровать в холодильнике.

– Ищешь пиво?

– Черт, было же! – проворчала Юлия Алексеевна.

– Не ищи. Я высосал, – Лёха захихикал.

– Идиот, чему смеешься? – зло спросила мать, плюнула, шумно захлопнула дверцу холодильника и пошла в спальню. Проходя мимо сына, потянула носом. – Да, ты пил!

– Да! Чем я хуже тебя?

– Молокосос! – взвизгнула мать и замахнулась на сына. – Убью!

– Ты? Убьешь? Меня? – он с силой толкнул мать в грудь, которая, не удержавшись на ногах, упала на колени. – Куда тебе?! И вообще: будешь еще вякать – вот тогда я тебя действительно замочу.

Он перешагнул через мать, по щекам которой текли слезы, и прошел на кухню.

– Боже! Еще один уголовник! За что мне все это, за что! Господи помилуй, меня, несчастную!

Глава 3. У прокурора

13 ДЕКАБРЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК. 14.10.

Из кабинета вышла секретарь-референт Зоя Ивановна Опалева. Она подошла к женщине, сидевшей неподалеку от двери. Женщина встала, с надеждой глядя в глаза Опалевой.

– Не примет, да?

– Успокойтесь, пожалуйста. Все в порядке: прокурор вас примет... В порядке исключения. Но, прошу вас, покороче: у Семена Семеновича сегодня чрезвычайно напряженный день. В вашем распоряжении только десять минут.

– Так... мне можно?

– Проходите, пожалуйста, – однако тут же спохватилась. – Одну минуточку: сумочку – оставьте здесь. Не беспокойтесь, никуда не денется.

Посетительница вошла. Опалева за ней плотно прикрыла дверь. Посетительница в нерешительности остановилась. В глубине кабинета, за огромным столом сидел Тушин, и что-то быстро-быстро писал на лежащем перед ним листочке.

– Здравствуйте.

Тушин поднял голову, снял очки, встал, вышел из-за стола и пошел навстречу женщине.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста, – прокурор проводил под локоть женщину до стула, выдвинул его и предложил. – Присаживайтесь, – сам же вернулся на свое место. – Ну-с, слушаю вас.

Тушин, как бы глядя на только-только проделанные им манипуляции со стороны, недоумевает: «С чего бы? С какой стати расшаркиваюсь перед этой... Наверняка же станет сейчас канючить насчет „невинно осужденного сыночка“ и просить вмешательства в судьбу ее несчастенького».

– Я – Чудинова... Нина Викторовна... Из Нижнего Тагила... У себя я всех обошла, но...

Тушин мгновенно поскущел: похоже, подумал он, интуиция не подвела и он зря расшаркивался. Тушин на глазах помрачнел.

– Пожалуйста, в двух словах – о существе вашего дела, Нина Викторовна.

– Извините... волнуясь... Девятого октября, утром наш сын Чудинов Сергей Иванович... Сереженька наш ушел в школу и не вернулся. Ждали до ночи. Мы с мужем ночью обратились в райотдел милиции, оставили заявление. Тамошний милиционер легкомысленно, как я считаю, отнесся к нашему заявлению. Стал говорить, что парень набегается и вернется; что через три дня, если не будет изменений, будет объявлен федеральный розыск; что без труда беглеца найдут в каком-нибудь приемнике-распределителе...

– Нина Викторовна, не следует обижаться на сотрудника милиции. Потому что зачастую так именно и бывает.

– Возможно. Но нам не легче. Надеюсь, вы – отец и должны понять нас, родителей, каково нам... Моя мама, без ума любившая внука, скончалась от инфаркта: сердце не выдержало, – по щекам женщины невольно потекли слезы. Она достала платок и стала вытирать. – Извините...

– Ничего-ничего, я вас понимаю... Продолжайте, пожалуйста.

– Мне, собственно, больше и сказать нечего.

– То есть?

– Хожу по всем. Везде говорят одно и то же: ищем, мол. Но я не могу понять: человек – не щепка, как можно не найти?! Не может человек исчезнуть, не оставив никаких следов. Столько дней прошло...

– К сожалению, я вас должен разочаровать, – прокурор покачал головой и вздохнул. – Полгода назад в центральном гастрономе Екатеринбурга мужчина семидесяти двух лет скон-

чался от разрыва сердца. При нем не нашлось ни вещей, ни документов. Похоронили, как неопознанного. А что делать? Все усилия по установлению личности не увенчались успехом. И это не единичный случай. Только за этот год в качестве неопознанных похоронено двенадцать человек.

– Вы... хотите сказать, что и Сереженьку?..

– Нет-нет, я этого не говорю в отношении вашего сына. Я просто говорю: есть проблема. Цивилизованность нашего общества такова, что... Россия – единственная страна, где до сих пор не внедрена всеобщая дактилоскопия населения. В январе мы (в качестве пока идеи, конечно) затеяли в прессе разговор на эту тему. Знаете, какой визг подняли правозащитники? Мол, грубое нарушение прав личности. А ведь это вранье, грубый обман общества. Англия, где намного больше заботятся об охране прав человека, уже более ста лет назад внедрила всеобщую дактилоскопию населения, причем не добровольную, а обязательную. И ничего! А у нас – вопят, как будто людей собираются резать. Проблема-то вновь зависла.

– Дактилоскопия – это что? – спросила Чудинова, не понимая ничего из того, о чем говорит прокурор.

– Дактилоскопия – это отбирание и хранение отпечатков пальцев.

– Зачем?

– Отпечатки пальцев человека – это в тысячу раз надежнее самого надежного документа. Их, то есть отпечатки, нельзя исправить, нельзя устранить. Двух одинаковых отпечатков не существует в природе и не может никогда существовать. Существовала бы и у нас всеобщая дактилоскопия – никого бы не смогли похоронить неопознанным.

– Что, и после смерти...

– Да, и после смерти человека по отпечаткам пальцев можно установить личность. У нас тоже отбираются и хранятся отпечатки пальцев, но только от лиц, проходящих по уголовному делу... Впрочем, это наша проблема и вас она не касается. Скажите, по факту исчезновения сына было возбуждено уголовное дело?

– Кажется, что-то такое было... Кажется, сейчас дело сдано в архив... Нет-нет, точно не знаю. Нас об этом не ставят в известность.

– Ну, нет, Нина Викторовна: если бы дело было прекращено, то вас бы в обязательном порядке проинформировали письменно. Так что, судя по всему, дело где-то лежит в числе «глухарей».

– «Глухарей»?

– Извините, Нина Викторовна, за профессиональный жаргон... Итак, я все понял. И вам скажу вот что: если дело и в самом деле производством прекращено, то это решение я отменю. Если нет, то вполне возможно, что дело наша прокуратура возьмет в свое производство. Во всяком случае, дело будет мною взято под личный контроль – это я вам обещаю, – Тушин нажал на какую-то кнопку, и услышал голос секретаря-референта. – Пожалуйста, дайте возможность гражданке Чудиновой написать заявление, и потом положите лично мне на стол, – прокурор щелкнул клавишей и повернулся к посетительнице. – Мы найдем вашего сына, обязательно найдем! Во всяком случае, не будем терять надежды, хорошо? Я искренне вам сочувствую.

Насколько искренен сейчас Тушин? Он, в самом деле, сочувствует посетительнице или притворяется? Он и сам, наверное, не смог бы ответить на все эти вопросы. Ясно лишь одно: ведет себя сейчас прокурор области не по чину. Что такого особенного в жалобе посетительницы, которую, кстати, видит впервые? Пропал и не подает вестей мальчишка? Но разве в области это единичный и потому уникальный случай? Естественно, нет, а потому дело это по чину прокурору района, но никак не ему, прокурору области, государственному советнику юстиции второго ранга.

Чужая душа – потёмки, а тем более душа Тушина.

Странно все это, крайне удивительно. Прежде всего, удивлена секретарь-референт Опалёва, знающая шефа как никто другой.

13 ДЕКАБРЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК. 17. 50.

Следователь Алексеев давно ждал вызова прокурора, так как два месяца назад подал рапорт об отставке. Ждал, но не сегодня. Сегодня – не просто понедельник, являющийся днем тяжелым, но еще и тринадцатое число. От такого совпадения ничего хорошего ждать не приходится. Признаки этого налицо: ему не сказано о причине столь экстренного вызова. На остановке «Дворец молодежи» он вышел из трамвая, перешел дорогу, прошел мимо многоэтажного дома, что на Московской, завернул за угол и направился к стоящему двухэтажному дому из красного кирпича, к прокуратуре области.

Вошел. Проходя мимо дежурного милиционера, ответил на приветствие, поднялся на второй этаж. Вошел в приемную Тушина. При его появлении секретарь-референт Опалёва встала со своего места.

– Семен Семенович вас ждет.

Алексеев вошел не сразу.

– Как шеф, Зоя Ивановна? – спросил он.

– О чем вы?

– О настроении, конечно.

– Настроение у Семена Семеновича нормальное. А почему вы спрашиваете?

– Ну, вызов «на ковер»... сами понимаете... К тому же сегодня тринадцатое число и понедельник.

Зоя Ивановна улыбнулась.

– Одно могу сказать: ваши опасения беспочвенны.

– Разве вызван не по поводу моего рапорта?

– Думаю, нет.

– Ага... ясно.

Алексеев вошел. Тушин ходил по кабинету.

– Проходи, Илья Захарович. Проходи и присаживайся.

Тушин остановился возле окна. Посмотрел на улицу, где начался густой снегопад и подул сильный ветер. Потом вернулся на свое место.

– Я пригласил тебя вот по какому поводу...

– Догадываюсь, что ничего хорошего.

– И так, и нет.

– Как это понимать?

– Понимать надо так: в Нижнем Тагиле девятого октября сего года бесследно исчез подросток. Прокуратура тамошняя и милиция – не мычат, не телятся... Безобразие! – Тушин стукнул ладонью по столу. – У меня была мать подростка. Короче, я подписал постановление о принятии этого дела к своему производству.

Алексеев выразил сомнение.

– Тагильчане часто, как вы выражаетесь, не мычат, не телятся. Что, все дела забирать к себе? Им – лишь на руку. Вообще перестанут работать.

– Я тебя пригласил не за тем, чтобы выслушивать нравоучения...

– А зачем?

– Ну, и характерец же у тебя! Слово скажешь – сразу лезешь в бутылку.

– У вас есть шанс...

Тушин не дал ему продолжить.

– Я посоветовался с заместителями. Все они сошлись на том, что дальнейшее производство по этому делу ты должен взять на себя.

- Я?!
  - Понимаю, что ты удивлен, поскольку привык заниматься, так сказать, «крутыми» делами, где пачки жертв, где десятки бандитов. Это же дело не из разряда престижных...
  - Я, Семен Семенович, за престижностью не гонюсь.
  - Отлично! Садись в электричку – и айда в Нижний Тагил.
  - Что, сейчас?
  - Нет, завтра... первым же поездом. Никаких от меня инструкций не будет. Сам знаешь, что надо делать в таких случаях.
  - Но, Семен Семенович...
  - От тебя постоянно слышишь одно и то же: «но» да «но». Хоть раз-то можешь отойти от традиции?
  - Семен Семенович, я хотел сказать, что подавал рапорт и рассчитывал...
  - Что я тебя так вот просто отпускаю?
  - Наши отношения таковы...
  - Знаешь, что я тебе скажу, голубчик?
  - Нет.
  - Так знай: на службе одни отношения – рабочие. А все, что раньше было, – давно быльём поросло. Давай забудем и поставим на прошлом точку.
  - Я думал, что всем будет лучше, если уйду.
  - Думал? Плохо, значит, думал! Лучше надо думать. С кем останусь, если просто вот так стану отпускать корифеев следствия? С «зеленью»?!
  - Молодежи тоже надо давать дорогу.
  - Давай, прекратим дебаты? К тому же, не я окончательно решаю сей вопрос, а Генеральная прокуратура. Оттуда – пока ни гу-гу. И хорошо, что не торопятся.
  - Без вас не обошлось.
  - Честно? – Тушин заулыбался и хитровато подмигнул Алексееву. – Я действительно звонил в кадры и просил особо не спешить с этим. Обещали.
  - Не понимаю: стаж у меня имеется, возраст шестьдесят с хвостиком, давно пора на покой.
  - Ничего-ничего... Старый конь борозды не портит...
  - Но пашет мелко и, главное, слишком часто спотыкается.
  - Ну-ну! Не будем прибедняться. Короче говоря, повторяю еще раз: решение мною принято, менять не намерен, поэтому – шагом марш!
  - Можно просьбу?
  - Можно, если просьба исполнима.
  - Было бы хорошо, если бы со мной выехал от уголовного розыска...
  - Ты кого-то конкретно имеешь в виду?
  - Да.
  - И кого же?
  - Подполковника Фомина.
  - Фомина?!
  - Да, именно его.
  - Но он же в Прижелезнодорожном райотделе внутренних дел.
  - Уже нет. Вернулся назад в областной уголовный розыск.
  - Правильно сделал. Руководить может не всякий спец. Руководить, не умея прогибаться, нельзя.
  - И как? Выполните мою просьбу?
  - Не могу отказать, потому что на пользу делу. Разухабистый мужик, однако...
- Алексеев встал.

– Разрешите?

– Да, иди... Кстати, регулярно информируй лично меня. И... Посылай куда подальше всякого, не взирая ни на какие должности, попытавшегося помешать тебе.

Алексеев вышел.

Тушин тут же попросил зайти секретаря-референта:

– Соедините меня с полковником Чайковским. Если нет на месте, найдите. Нужен срочно.

Прошло не более пяти минут, как прокурора соединили с Чайковским.

– Добрый вечер, полковник... Я слышал, что ты сейчас курируешь не только следствие, но и уголовный розыск. Это правда?.. Замечательно!.. Для расследования дела в Нижнем Тагиле нужен спец... Срочно... Сейчас... Нет, помимо тагильских... Кого? Алексеев, мой следователь, отказывается ехать без Фомина: вынь, говорит, да положь... Нет, если не можешь, то я позвоню генералу Краснову... Нет необходимости?.. Замечательно. Значит, вопрос решен?.. Когда выезжать?.. Алексеев едет первой электричкой, завтра... Но имей в виду: командировка бессрочная... Сколько? Пока не раскроют дело... Почему не местные?.. Там – мышей не ловят... Уже с девятого октября ни шьют, ни порют... Кстати, твои подчиненные. Возьми на заметку... Понял... До встречи!

13 ДЕКАБРЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК. 18. 30.

Фомин, осторожно приоткрыв дверь, спросил:

– Разрешите, господин полковник?

– Не придуривайся, входи, Сашок.

– Что за фамильярность у господина полковника со старшим оперуполномоченным УГРО, а? – ухмыляясь во всю ширь скуластого лица, произнес Фомин, переступая порог кабинета заместителя начальника главного управления внутренних дел области.

Чайковский внимательно посмотрел на того и невольно также заулыбался.

– Ты, гляжу, и к концу дня не растерял оптимизма и по-прежнему пребываешь в отличном настроении.

– С этим настроением и домой убуду, если господин полковник его мне не подпортит, – отреагировал Фомин, усаживаясь на стул, одиноко стоящий у окна.

– Не далеко? – спросил Чайковский.

– То есть? Что значит «не далеко»?

– Не слишком далеко устроился: я здесь, за столом, а ты там, у окна? Как считаешь?

– Дальше – лучше, безопаснее: чуть что – в окно сигану.

– Боишься?

– Еще бы! Начальство... С ним так: или дистанция безмерная, или любовь неоглядная. Насчет любви: избави пуще всех печалей – и барский гнев, и барскую любовь.

– Ну, пошло-поехало. Теперь не остановишь. Просто беда, когда сыщик такой вот...

– Это какой?

– Начитанный.

– Новость. Никогда бы не подумал, что лучший сыщик – тупой сыщик... Ну, да, ладно... Зачем вызвал?

– А ты как считаешь?

– Ну, думаю, «стружку» снимать будешь.

– За что?

– Мало ли... На то и начальство, чтобы причины находить для «обработки» таких болванов, как я. Может, «телега»...

– Что, уже успел что-то натворить?

– Ты меня, Павел Павлович, знаешь: еще тот «чэпэшник».

- Не молод. Мог бы и остепениться.
- Стараюсь, очень стараюсь, а не получается.
- Могу успокоить: на сей раз нет никакой «телеги». Скорее всего, не успели еще нака-
тить...
- Уже – благо.
- Только что мне звонил прокурор Тушин...
- Ну, вот... Что я говорил?!
- Не спеши с выводами. Так вот... Он сказал, что нуждается в тебе...
- Тушин?! Во мне?! Не может быть!
- Может, Сашок, может. Впрочем, нужно уточнить: не совсем Тушин нуждается в тебе,
а Алексеев.
- Это другое дело. А что Алексеев?
- Как я понял, областная прокуратура приняла к своему производству возбужденное
уголовное дело в Нижнем Тагиле.
- Что-то серьезное? – заинтересовавшись, спросил Фомин.
- На первый взгляд, нет: бесследно исчез подросток.
- Давно?
- По словам Тушина, девятого октября.
- Павел Павлович, но причем тут я? Я же числюсь за отделом по борьбе с бандитизмом.
Тут же...
- Понимаешь, дружище, – так хочет Алексеев. Это его идея. Он обратился к Тушину.
Тушин – ко мне. В твою задачу будет входить координация деятельности по линии уголовного
розыска. Понимаешь?
- Нет, не понимаю, – откровенно признался Фомин. – С какой стати такой ас следствия,
как Алексеев, будет заниматься делом об исчезновении подростка?
- На твой вопрос мне ответить нечего, так как сам недоумеваю.
- Наш прокурор становится непредсказуемым. Что с ним?
- Скорее всего, амбиции всему причина.
- Чьи амбиции?
- Тушина, конечно.
- У меня тоже есть амбиции, но не до такой же степени.
- Тут, понимаешь, дело в том, что к Тушину обратилась лично мать исчезнувшего под-
ростка с жалобой. Он принял ее в не приемный день. Выслушал. И вот принял решение, что
делом должна заняться областная прокуратура. Руководителем оперативно-следственной бри-
гады назначил Алексеева, замом – тебя. Еще восемь человек – тагильчане. Тушину, думаю,
очень важно выглядеть в лице несчастной женщины хозяином своего слова.
- Мне ясно пока лишь одно: надо выезжать. Когда?
- Завтра. Первой утренней электричкой. На личном фронте проблем не будет?
- Ты меня знаешь...
- Тебя – знаю, но семья...
- И жена, под стать мне, не дура. Понимает. Привыкла. Смирилась давно.
- Значит, нет проблем?
- Ну, разумеется.
- Мысли Тушина нам не ясны, поэтому прошу тебя: с одной стороны, будь там поосто-
рожнее, погибче, если угодно, не руби сплеча; с другой стороны, от главного управления у тебя
неограниченные полномочия, к работе вправе на месте привлекать любого специалиста, дей-
ствуй, не стеснясь.
- Генерал Краснов знает?

– Естественно. Я переговорил также с начальником экспертно-криминалистической лаборатории. Если возникнет нужда, то там твои поручения исполнят без проволочек. Обращайся.

– Понял. Как думаешь, надолго?

– Не знаю. Но считаю, что такие асы, как Алексеев и Фомин, раскрутят дело в два счета.

– Шутишь? Издеваешься?

– Ничуть, дружище, ничуть. Говорю серьезно.

– Тогда – спасибо за лестное слово.

– Ну-ну, не выламывайся. Уж от меня-то ты наслышался...

– Ты прав. Ты не такой, как все. Другие, как только оторвутся от друзей, делая карьеру, сразу забывают про дружбу, рвут связи, в упор перестают замечать. Кстати, это правда, что тебе светят генеральские погоны?

– Откуда ты это взял?

– Слушок такой ползает по необъятным управленческим коридорам.

– Не верь слухам, тем более «ползающим».

– Я не верю, а все же... Должность-то теперь у тебя генеральская, – заметил Фомин и потом, после небольшой паузы, добавил. – Твой предшественник ушел в отставку генералом.

– Я всерьез подумываю о пенсии, а ты... Пора: и по возрасту, и по выслуге лет.

– Издеваешься?! Надо мной?!

– Что ты, Сашок!

– Нет? Мы с тобой с одного года, я подполковник, старший опер. Кому-кому, но вот мне точно пора на покой, – Фомин встал, подошел к Чайковскому и прислонился к нему. – Если ты уйдешь, то... А, что загадывать... Пошел я... В командировку собираться... Жди вестей.

– Надеюсь, вести будут благоприятные?

– Без сомнения, господин полковник.

– Зазнайка, сплюнь на всякий случай.

– Сплюнул бы, но у тебя, – Фомин обвел кабинет Чайковского долгим взглядом, – кругом персидские ковры...

– Не персидские, а турецкие.

– Все равно неудобно на них плевать. Ну, я пошел...

13 ДЕКАБРЯ. ПОНЕДЕЛЬНИК. 20. 40.

Леонид Федорович Сарваров, придя домой, ужинать не стал, а сразу прошел в гостиную, где вот—вот должен был начаться очередной латиноамериканский телесериал на канале РТР.

Жена, заслышав мужа, обернулась.

– Сытый? Кто подсуетился и накормил? Смотри мне.

– Что, моя государыня, ты говоришь? – он подошел к жене и чмокнул ее в макушку головы.

– Зачем ластишься? Все равно не поверю.

Сын, сидевший на диване, захихикал, чем привлек к себе внимание отца.

– Хихоньки да хахоньки? А что в школе? Чем порадуешь отца?

Михаил отвернулся и не ответил.

– Молчишь? Пару схлопотал?

– Нет, – буркнул сын.

– А, ну, уроки готовить!

– Оставь в покое Мишеньку, – заступилась Алла Олеговна. – Пусть кино посмотрит... Пристал к парню. Он сидит, никому не мешает. Оценки – ерунда. Учителя к парню придираются. Завидуют тебе, а отыгрываются на нем. Ты бы сходил в школу... Или директора-еврейчика к себе вызвал. Я ходила, а что толку? Кто будет слушать домохозяйку?

- Мне только этого и не хватает.
- Ты отец или не отец?
- Перестань, Аллочка, не зуди.
- Конечно, да, ребенка тебе не жаль... Тебе вообще никого не жаль. Что тебе семья?

ТЬфу!

- Да черт с ним, пусть смотрит: только отстань.

Алла Олеговна, надув губы, замолчала. Весьма своевременно замолчала, так как начался фильм. А для всей семьи не было ничего важнее и дороже, чем латиноамериканские мыльные оперы.

Вот пошли кинокадры, где полуголые красотки на сцене закрутили задницами. Михаил хихикнул, не сдержался-таки.

Отец спросил:

- Чего хихикаешь?

Сын не ответил. Зато дочь не промолчала.

- Он, пап, позволяет себе сексуальные домогательства... Такой озабоченный.

- Кто «он», дочка? Что за «домогательства» и к кому?

- Мишка ко мне пристает, лапает и в трусы норовит залезть.

- Что ты, дочка?!

- Да замолчите вы! – сердито бросила со своего места Алла Олеговна.

Дочка все-таки молчать не стала.

- Да-да, папа.

Леонид Федорович от услышанного на минуту потерял дар речи.

- Сын... не вздумай... Если что сделаешь, – убью! Ведь сестра она тебе. Как можно.

– Да что ты слушаешь эту болтушку? – опять заступилась за сына мать. – Сочиняет, фантазирует.

- Алла, ты же мать? Как можешь защищать сына, когда он к дочери твоей пристает?

- Если не я, то кто же?

- А, – он отчаянно махнул рукой, – ну вас...

Закончился фильм. Отец с дочерью ушли на кухню пить чай.

- Мам, – воспользовавшись ситуацией, обратился к ней сын, – дай мне денег?

- На что?

- Надо.

- Сколько тебе?

- Пять штук.

- Это еще что за абракадабра, сынок? Что за «штуки»?

- Пять тысяч, – пояснил сын.

- Сколько?! – удивилась Алла Олеговна. – Куда тебе такие деньги? Сыт, обут, одет.

- Дай, мам, – настойчиво повторил Михаил.

- Проси у отца.

- Не даст, жмот.

- Как ты об отце?

- А что? Он постоянно жилось. Дай, мам. Или ты хочешь, чтобы я украл?

- Что ты, сынок, что ты! Разве можно такое говорить! Выбрось из головы.

- Так дашь или нет?

- Может, все-таки скажешь, зачем?

- На личные нужды. Дашь или нет?

- Ну, ладно, сынок, дам, конечно. Только дочери и отцу не говори: от греха подальше.

- Не скажу, мам, – могила.

Алла Олеговна неожиданно насторожилась.

– Деньги тебе... не на это... не на наркотики, случаем?

Сын засмеялся.

– Нет, мам. Хотя в нашем классе двое курят «травку».

Алла Олеговна перекрестилась.

– Слава Богу.

Мать встала, вышла и через минуту вернулась.

– На! – она протянула парню пять бумажек.

– Спасибо, мам, – сын взял и быстро спрятал в карман. – Ты у меня настоящая мать. Я знал, что ты поможешь мне, потому что любишь.

Михаил вскочил и улизнул в свою спальню, даже не попрощавшись с матерью. Та посмотрела тому в след и покачала разочарованно головой.

– В кого парень? Скорее всего, в отца. Такой же эгоист: получил свое – и прости-прощай.

Глава 4. Совещание

14 ДЕКАБРЯ. ВТОРНИК. 11. 20.

В довольно просторном кабинете прокурора Нижнего Тагила набралось без малого тридцать человек: одни – по необходимости (члены оперативно-следственной бригады), другие – по обязанности (руководители городской и Промышленной районной прокуратур, райотдела и управления внутренних дел), третьи – из-за любопытства (как-никак, а из Екатеринбурга прибыли люди не рядовые, а, даже можно сказать, с длинным хвостом слухов и легенд).

Прокурор города Дягилев встал.

– Кажется, все здесь, – обведя присутствующих взглядом, сказал он и, подобострастно склонившись, спросил. – Товарищ Алексеев, вы будете вести совещание?

Алексеев, поморщившись, нахмурился.

– Товарищ? Кто? Кому? Я – вам? Вы – мне?

Среди присутствующих прошел легкий шумок. Дягилев растерянно развел руками.

– Так принято...

– У кого «принято»? У вас? Может быть. Извините, Степан Осипович, но я вас среди своих товарищей не приметил. На работе мы не товарищи, а коллеги.

– А как тогда к вам обращаться?

– У меня есть имя и отчество. Если не знаете, спросите.

– Простите, Илья Захарович... Вы будете вести совещание или...

– Естественно, вы. Кто здесь хозяин?

– Ну, какой же я хозяин?

– Странно, что вы меня спрашиваете. Вы в прокуратуре хозяин, а какой – не знаю... Прокуратура без хозяина – бесхозная прокуратура со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Извините, Илья Захарович.

– Не надо извиняться, Степан Осипович. Нам придется общаться некоторое время довольно-таки плотно. Я привык, так сказать, еще на берегу расставлять все необходимые акценты, чтобы к этому больше не возвращаться.

– Хорошо, Илья Захарович... Итак, совещание начинаем. Вопрос, по поводу которого мы здесь собрались, всем уже известен, поэтому не считаю необходимым подробно излагать существо дела, из-за которого прибыли к нам ответственные работники из Свердловска...

Алексеев вновь прервал.

– Не из Свердловска...

– Из Екатеринбурга, – поправился Дягилев.

Алексеев все больше мрачнел.

– Я вас поправил, потому что это не просто оговорка. Мы с вами юристы и обязаны называть вещи своими именами.

– Извините... Слово – старшему следователю по особо важным делам прокуратуры области Алексееву Илье Захаровичу.

Побагровевший Дягилев сел, облегченно вздохнул, вынул из кармана платок и стал вытирать объемистую блестящую лысину, лоб, испещренный морщинами, одутловатые щеки.

– Со мной прибыл подполковник Фомин Александр Сергеевич, старший оперуполномоченный уголовного розыска главного управления внутренних дел, – начал Алексеев. – Прошу любить и жаловать, господа офицеры. Имейте в виду: у него неограниченные полномочия от генерала Краснова. Впрочем, вы, очевидно, об этом уже знаете. Я хочу разговор с вами начать вот с чего. До совещания я заглянул в один из служебных кабинетов и увидел на стене портреты Ленина и Дзержинского. Как это понимать? Вы что этим хотите сказать? Вы хотите этим дать понять, что являетесь последователями тех традиций? Или это намек на ваши поли-

тические убеждения? Дома вы можете развешивать любые портреты, но в прокуратуре, в стенах государственной правовой структуры – простите. Второе: в холле натолкнулся на стенд «Традициям – верны!», претендующий на историчность. Знаете, что меня удивило? Если судить по вашему стенду, который видят сотни проходящих к вам тагильчан, то получается, что «славные страницы истории прокуратуры» имели место лишь в 30-е и 40-е годы. Однобокость какая-то в отображении истории. Должен вам заметить, что немало полезного делали прокуроры Нижнего Тагила задолго до Октябрьского переворота. Кроме того, в указываемые вами годы имели место не только героические поступки, но и низменные, за которые все мы должны вечно просить прощения у россиян. И не важно, что лично мы к этому не имели никакого отношения. Традиции бывают благородными и позорными: если хотите следовать принципу исторической правды, принципу исторической справедливости, то отчего одно без другого показываете гражданам? Где ваша объективность? Стыдно? Ну, так, извините! Вас же никто не принуждает развешивать подобного рода стенды по холлам.

Алексеев потянулся к графину и стакану, стал наливать воды. Воспользовавшись паузой, вновь побагровевший Дягилев вскочил со своего места.

– Убрать! Все снять! К чертовой матери, все портреты и стенды!

– Степан Осипович, погодите. У вас еще будет время раздать поручения... Это все напрямую не касалось моих должностных обязанностей, господа офицеры, а теперь непосредственно перейдем к делу. Скажите, что в прокуратуре делает Чудинова Нина Викторовна? Мне сказали, что она сидит в коридоре с девяти утра. Сама пришла или кто-то поусердствовал?

– Ну... Мы подумали, что вы пожелаете ее допросить, – начал оправдываться Дягилев, – поэтому вызвали... Ну, чтобы время не терять...

– Я просил? Поручал?

– Нет.

– Так, какого чёрта лезете поперед бабки в пекло? Вот что: пусть кто-то сходит, Степан Осипович, принесет извинения за причиненные несчастной женщине беспокойство и отправит на машине домой. Обращаю внимание: извинения должны быть принесены не от моего имени, а от лица городской прокуратуры.

Дягилев пошарил глазами по лицам присутствующих в поисках нужного.

– Глеб Георгиевич! – со своего места вскочил Чугуев, помощник прокурора, еще совсем молодой человек. – Сделайте! – тот направился к двери, взялся уже за ручку, но его остановил голос шефа. – Нет, стойте... Я сам... Вы продолжайте, я сейчас...

Алексеев улыбнулся: последнее решение прокурора ему явно понравилось. Через минуту вернулся Дягилев мрачнее грозовой тучи.

– Ну, и еще, – продолжил Алексеев. – Наше совещание я бы не отнес к категории зрелищных, поэтому в статистах не нуждается. Поэтому прошу здесь остаться лишь членов оперативно-следственной бригады, первых лиц районной и городской прокуратур, а также первых лиц управления и райотдела милиции. Остальные могут быть свободны. Надеюсь, найдете, чем заняться?

В кабинете стало посвободнее.

– Я успел перелистать уголовное дело, бегло, конечно, и, к своему глубочайшему сожалению, ничего утешительного сказать не могу. Сначала милиция, а потом и районная прокуратура отнеслись к сообщению родителей об исчезновении ребенка преступно халатно, – по некоторым лицам присутствующих руководителей пробежал нервный тик. Алексеев это заметил. – Слова мои вам неприятны, но факт есть факт. Я бы еще как-то понял, если бы семья была из разряда неблагополучных, если бы ребенок был из числа трудных, если бы факты его исчезновения случались и раньше. Увы, ничего этого, как показывают материалы дела, не наблюдается. Более двух месяцев прошло после обращения родителей в милицию, а до сих пор не удосужились допросить даже директора школы, где учился мальчик, его классного руко-

водителя. Удивляет, что никаких следственных действий, практически, не проводилось. Объявили федеральный розыск – и все! Вы вынудили бедную мать обратиться лично к прокурору области. Я не думаю, что все это – следствие непрофессионализма следователя и оперативников-милиционеров. В Нижнем Тагиле, уверен, немало опытных и любящих свое дело специалистов. И если бы захотели, то тайну исчезновения ребенка раскрыли бы давно. Возиться, думаю, не захотели, поленились. Но это – в прошлом. Теперь нам придется вплотную заняться. Поскольку розыск не дал результатов, то я, практически, исключаю версию нахождения мальчика в бегах.

– Но не полностью, не на все сто процентов, – вставил все время молчавший Фомин.

– Согласен, господин подполковник. Есть и этот шанс, но он слишком ничтожен, поэтому на нем сосредоточивать основные усилия не будем. А вот на двух других... Я считаю, что имеет место либо убийство, либо похищение, возможно, с целью шантажа или выкупа.

– Вы так считаете? – спросил Дягилев.

Фомин возразил.

– Не исключено, понятно, похищение. Но, как я понял, до сих пор никто не заявил о требованиях.

Алексеев удивленно посмотрел на подполковника.

– А откуда нам сие известно? Лет пять назад, помню, родители, запуганные преступниками, молчали шесть месяцев о том, что их ребенок похищен, что их шантажируют. Следствие бьется, гадая на кофейной гуще, а они, зная истину, молчат. Потом окажется элементарное: ребенка похитила одна из преступных группировок. Цель? Никакого выкупа! Потому что у родителей ничего за душой не было. Дело в том, что под следствием находился один из бандитов, его надо было вытащить, потребовалось алиби. Родители похищенного ребенка должны были дать свидетельские показания, что в день и час убийства бандит находился совсем в другом месте, а именно у родителей, которые жили по соседству. Родителям, естественно, какая вера! А вот соседям, которые, якобы, видели, – совсем другое дело, особенно для суда. Похитители обещали вернуть ребенка, как только родители дадут нужные свидетельские показания. Как говорится, нарочно не придумаешь... Страх за жизнь ребенка, неверие, что правоохранные органы могут спасти, принуждают родителей молчать. Кого-кого, а их-то я как раз и понимаю. У них более чем достаточно оснований для этого. Потому что работаем мы пока прескверно.

– Согласен: на все случаи жизни схем не напасешься, – заметил Фомин.

Алексеев продолжил:

– Мы стоим на зыбкой почве. Потому что пока не просматриваются и основания для убийства: мальчишка, судя по всему, из послушных, ни в чем криминальном не замечен, учился хорошо, хотя и не отличник. В семье был любим. Правда, окружение вне стен дома не установлено. И говорить с достоверностью о благополучии среди приятелей и друзей не приходится. Следствие и не установило, как и с кем мальчишка проводил свободное время. Впрочем, куда ни ткнешь – сплошной темный лес, – Алексеев обвел всех присутствующих взглядом. – Надеюсь, на хорошую работу оперативно-следственной бригады. Предупреждаю заранее: не терплю любую расхлябанность и безответственность, неряшливость и пустозвонство. Кроме того, у меня характер – не подарок, поэтому будут сложности. Заранее – приношу извинения. Прошу содействия и понимания от руководителей правоохранных органов. Тагильчане отличаются особой, проще говоря, болезненной амбициозностью: не любят, когда ими командуют «варяги». Ничего, придется немного потерпеть. Со своей стороны, сделаю все, чтобы срок нашего нахождения здесь сократить до минимума, таким образом, облегчив вам жизнь. Вот и все... Пока. А дальше видно будет. Все могут быть свободны.

Участники совещания направились к выходу.

– Сыщики, за мной! Помозгуем малость! – скомандовал Фомин и также удалился.

Алексеев повернулся к Дягилеву.

– Мне бы местечко какое-нибудь.

– Мы подготовили вам кабинет...

– А хозяин?

– Там – мой помощник по связям с общественностью.

– Боюсь, ему буду мешать.

– Ну, что вы! Он только-только ушел в отпуск. Не будет полтора месяца и кабинет в полном вашем распоряжении.

– Это уже лучше... Тогда – я пошел, Степан Осипович, поизучаю папочку с материалами дела, подумаю.

– Да, конечно... ради Бога. Кстати, на вас заказаны два номера в гостинице «Высокого-рье»... Номера-люкс. Думаю, вам будет удобно. Сначала хотели в гостинице «Тагил» зарезервировать, но передумали. Во-первых, вокзал напротив, круглосуточная толчея и шум. Во-вторых, часто на гостиницу дует ветер, несущий газы от химкомбината, иногда дышать нечем.

– Спасибо за заботу.

– Что вы, это наша обязанность.

14 ДЕКАБРЯ. ВТОРНИК. 18. 50.

В квартиру кто-то позвонил – настойчиво и требовательно. Нина Викторовна подошла к двери, посмотрела в «глазок»: незнакомый ей мужчина. Не стала сразу открывать, а спросила:

– Кто нужен?

– Здесь живут Чудиновы?

– Да. А что?

– Я – из областной прокуратуры. Мне бы побеседовать.

Нина Викторовна повернула массивную защелку, и открыла дверь.

– Извините. Дома одна и... все может быть.

– Не извиняйтесь, Нина Викторовна. Вы все сделали правильно. Времена такие, что лучше быть настороже с незнакомыми.

Алексеев снял пальто, шапку, повесил на вешалку, стал снимать меховые ботинки.

– Что вы делаете? Не надо! Проходите, пожалуйста, у меня лишь завтра будет уборка, так что...

– Нет уж, – возразил пришедший, – я так не могу.

Он пригладил волосы.

– Вы, выходит, одни?

– Да. Муж на работе, во вторую смену. Дочка во Дворце культуры, в кружке занимается, вот-вот придет.

– Отпускаете одну?

– Ну, нет! Она занимается в кружке вместе с подружкой. Подружка живет на нашей площадке. С ее матерью договорились, что будем сопровождать по очереди. В пятницу – моя была очередь, сегодня – ее.

– Это очень правильно. Сколько девочке?

– Десять лет.

– Тем более... Мы сможем поговорить?

– Конечно.

– Извините, что расстраиваю ваши планы. Наверное, ужин готовите?

– Ничего, дочь может и подождать, а к приходу мужа успею приготовить. Проходите, пожалуйста, в гостиную.

Алексеев прошел.

– Куда можно присесть?

– Куда хотите: хоть на диван, хоть в кресло.

Нина Викторовна осталась стоять, тревожно глядя на пришедшего.

– А вы тоже присаживайтесь, так как, судя по всему, разговор предстоит и долгий, и трудный для вас. Прошу сразу прощения, поскольку некоторые мои вопросы могут показаться вам бестактными. Но у меня работа такая: задавать обычно не слишком удобные вопросы.

– Я понимаю, – Нина Викторовна присела на стул, стоящий возле стола. – Я так долго добивалась, чтобы хоть какой-то интерес возник у кого-нибудь к нашему горю.

С другой стороны стола, также на стул устроился Алексеев. Он огляделся. Отметил: в квартире живут опрятные люди – скромные, но опрятные.

– Позвольте представиться по всей форме: я – Алексеев Илья Захарович, старший следователь областной прокуратуры по расследованию особо важных дел.

– Я догадываюсь... Хвала Господу, что и наше дело считается теперь «особо важным»

– Сообщаю, что дело об исчезновении вашего сына принято к производству областной прокуратурой, создана оперативно-следственная бригада, которую возглавить прокурор области поручил мне, вашему покорному слуге. Вместе со мной из Екатеринбурга также прибыл старший оперуполномоченный главного управления внутренних дел области подполковник Фомин Александр Сергеевич, занимающийся самыми сложными преступлениями, крупный специалист в области сыска. Лично я очень на него надеюсь. Прокурор области поставил перед нами конкретную задачу: в кратчайшие сроки найти вашего сына... Лучше, конечно, живым. Однако вы должны быть психологически готовы и к самому худшему... Я не хочу вас обманывать, тешить вашу больную душу беспочвенными иллюзиями. Рад бы, но... У меня нет никаких оснований.

У Нины Викторовны невольно потекли слезы, хотя героически сдерживалась. Она справилась. Достала платок и вытерла глаза.

– Извините. Не могу. Хочу удержать слезы, но... вот видите... Ничего, вы спрашивайте... не стесняйтесь... Мы уже готовы ко всему... Мы сейчас хотели бы одного: по-людски похоронить сына, если его нет в живых, заказать заупокойную молитву в церкви... Плач не плач, а сына не вернешь.

– Это – тоже крайность. Мы же с вами еще ничего не знаем.

– Вы... вы считаете, что...

– Шансов мало, к сожалению, но они пока есть. Поэтому рассчитываю на содействие с вашей стороны, на искренность.

– Вы и вправду думаете, что я смогу врать?!

– Я ничего не думаю, Нина Викторовна. Я лишь из опыта знаю, что даже вот в такой, как у вас, ситуации бывают случаи, когда родители скрывают правду. Как ни прискорбно, но это так.

– Не может быть! – воскликнула женщина.

– В жизни все может быть. Поэтому мне, как следователю, полагается все подвергать сомнению, ничего на веру не принимать. А иначе до истины никогда не доберусь.

– Трудно ведь... без веры в людей.

– Делать нечего... Нина Викторовна, вспомните, пожалуйста, последние часы, когда вы видели сына, не отбрасывайте в сторону любую тревожную мелочь, кажущуюся вам таковой.

– Сто раз все перебрала за эти два месяца, но ничего особенного не нашла.

– Совсем?

– Абсолютно! Да вы сами можете судить... В то утро, девятого октября, вся семья собралась за завтраком. И не было лишь Сереженьки... Он у нас не любит вставать по утрам. Соня-засоня. Отец, конечно, завозмущался. Бабушка, то есть моя мама, стала заступаться за внука: пусть, мол, парнишка чуть-чуть понежится в постели.

– А где сейчас ваша мама?

– Не выдержала. Любила она внука, так любила... Умерла... от разрыва сердца... Она так много в жизни перенесла, а тут...

– Извините.

– Ну, и я пошла, разбудила. Парень умылся, пришел на кухню, выхлебал борщ, выпил чай, взял сумку и с сестренкой ушел в школу. Вот и все. Вечером я стала тревожиться, что сына так долго нет.

– А раньше как? Случались задержки?

– Нет. То есть, были редкие случаи, но парень всегда или звонил, или через сестренку передавал, где он и что с ним. А, вообще, он по натуре домосед. Подумали, что с подружкой пошел в кино. Позвонила домой. Оказалось, что его подружка дома и сегодня они не встречались. Тогда стала уже звонить одноклассникам: никто и ничего не знает. Все говорили, что он отсидел все уроки и потом ушел домой. Ушел и провалился, как сквозь землю. Никто ничего не видел. Никто ничего не знает. Отец пошел искать. И тоже ничего. Ночью мы и пошли в милицию.

– И все?

– Да.

– А накануне?

– Тоже ничего тревожащего. Пришел из школы рано, в хорошем настроении, стал готовиться к урокам, посмотрел мультики (любил очень) и ушел спать.

– И все же, продолжаю настаивать...

– Нет, я вам все рассказала... Впрочем, погодите...

– Вы что-то вспомнили, Нина Викторовна?

– Так, ерунда... пустяк.

– Нет, расскажите мне.

– Видите ли, накануне, то есть в пятницу, моя мама получила пенсию и утром, тайком от нас, как она выражалась, отстегнула двадцать рублей внуку на «социальные нужды»... Но это она всегда делала. И мы знали.

– Так, очень существенная деталь: сын ушел в школу при деньгах.

– Ну, какие это деньги по нынешним временам.

– Какие-никакие, а деньги, которые могли стать поводом для убийства.

– Что вы такое говорите, Илья Захарович! За двадцать рублей? Убить?!

– Не удивляйтесь: в Екатеринбурге был случай, когда бомж убил девочку за десять рублей. Как потом скажет, есть очень хотелось... Небольшая, но есть зацепка... Вот видите, мелочь, а очень для следствия существенная. Прежде чем уйти, хочу спросить вас прямо: скажите, Нина Викторовна, только честно скажите, вам никто не звонил, чего-либо не требовал в обмен на жизнь ребенка?

– Вы думаете, что могло быть похищение?

– Повторяю: я ничего пока не думаю. Я лишь хочу получить ответ на вопрос.

– Нет, никто не звонил и ничего не требовал.

– Это правда? Скажите, это правда? Вы ничего не скрываете? Может, вам угрожают или угрожали? Может, вас шантажируют?

– Нет-нет, Илья Захарович!

– Вы не бойтесь, ничего не бойтесь. Я, лично я гарантирую вам безопасность.

– Да, нет, я ничего не боюсь. Никого не боюсь.

В прихожей раздался звонок. Нина Викторовна встала.

– Дочку соседка доставила. Одну минуту, извините.

Хозяйка вышла. И тут же послышался визг девочки.

– Мамуль, поздравь! Сегодня по хореографическому вокалу получила «отлично».

– Ты смотри, – неопределенно отреагировала Нина Викторовна.

– Мам, ты не рада? – заметив в уголках глаз влагу, девочка воскликнула. – Опять?! Плакала? Ну, мам, тебя нельзя оставить одну!

– Тише ты. У нас посторонние.

– Кто?

Девочка не стала ждать ответа и побежала в гостиную. Ворвалась. Увидев чужого, ей совсем незнакомого дяденьку в нерешительности остановилась.

– Здравствуйте, – тихо сказала она.

Алексеев улыбнулся.

– Добрый вечер. А я знаю, как тебя зовут. Тебя зовут, дай Бог памяти, Светланой. Верно?

– Откуда вы знаете? Мамуля сказала?

– Нет. Мне сорока-белобока на хвосте принесла.

– Фи! Я уже вышла из того возраста и в сказки не верю, – строго сказала девочка.

– Да? Очень жаль. В сказки надо верить в любом возрасте. Один умный человек сказал: «Сказка – ложь, да в ней намек; добрым молодцам урок». А помнишь, чьи это слова?

– Дура, что ли? – вопросом на вопрос ответила Светлана.

Стоявшая за ее спиной Нина Викторовна, осуждающе сказала:

– Так нельзя, девочка.

– Значит, не дура? Значит, умная? – в знак согласия Светлана кивнула. – Ну, так скажи же, кому принадлежат эти слова?

– Великому русскому поэту, писателю и сказочнику Александру Сергеевичу Пушкину, – как на уроке литературы выпалила она.

Девочка, торжествуя глядя на дяденьку, встряхнула головой, отчего ее толстая русая коса взметнулась вверх и тотчас же тяжело упала на спину.

– Ну, уж теперь-то я точно знаю, что ты очень умная девочка, – сказал, все еще улыбаясь, Алексеев.

– А вы сомневались? – спросила она.

– Ну, я же тебя вижу впервые. Откуда мне знать, кто передо мной предстал: умный или не очень?

– Разве по лицу не видно?

– Ну... – вопрос загнал Алексеева в тупик и он не сразу нашелся, что сказать. – По лицу я смог определить только одно...

– Что?

– Что ты очень красивая девочка, настоящая русская красавица; что у тебя замечательные глаза: они голубые-голубые... Такие же ясные и чистые, как безоблачное небо в июльскую пору. У тебя изумительные волосы... Да что там говорить – писаная красавица! Но, прости меня, не всякая красавица – умная, далеко не всякая... Ну, извини, что сразу в тебе не рассмотрел природный ум.

– А, знаете, что я заметила?

– Что? Любопытно очень.

– Почему почти каждое предложение начинаете с частицы «ну»?

– Неужели?

– Пока я с вами разговариваю, вы пять раз начали предложение с частицы «ну»... Дарья Алексеевна говорит, что это нехорошо.

– А кто такая Дарья Алексеевна?

– Наша учительница.

– А-а-а... ну, тогда извини.

– Видите! Видите! Вы в шестой раз использовали частицу «ну». В вашей речи частица «ну» – сорняк. А раз так, то сорняк надо, говорит Дарья Алексеевна, выдирать с корнем.

Вмешалась снова Нина Викторовна.

- Не хорошо, доченька, так разговаривать со взрослыми.
- Почему? Я же ничего плохого не говорю.
- Светлана права, – вступился за девочку Алексеев. – Нет ничего лучше, как говорить правду, если даже она и такая вот горькая.
- Мам, а я что тебе говорю?!
- Светлана, тебе повезло, мне нет, – тяжело вздохнув, посетовал Алексеев.
- Почему?
- Когда я учился, рядом не было такой Дарьи Алексеевны, как у тебя.
- Мне так вас жаль.
- Но ты еще больше пожалеешь, если я назову и вторую причину.
- Причину чего? – спросила Светлана.
- Причину того, что я так часто в разговоре с тобой использую «сорняк» Хочешь узнать?
- Да.
- Я жутко волнуюсь, когда разговариваю с русскими красавицами.
- Да?.. Но я же еще маленькая... Вот когда вырасту... А вы успокойтесь и перестаньте волноваться... Ничего же страшного.
- Понимаю, но все равно...
- Мне вас жаль, – вновь повторила девочка.
- На девочку повеяло от дяденьки таким теплом, что она кинулась к нему и прижалась к мужскому плечу.
- А я знаю, кто вы, – прошептала она в ухо. – Вы – тот дяденька... прокурор, который найдет моего брата.
- Алексеев погладил девочку по голове.
- Вы найдете моего брата... Я верю, что вы найдете моего брата!
- Я буду, Светлана, стараться, но не хочу тебя обманывать: возможен и другой вариант... Прости. А пока, – он посмотрел девочке в глаза, – ответь мне на вопросы, – Светлана кивнула. – Ты учишься в той же школе, что и твой брат?
- Да.
- После исчезновения брата мальчишки и девчонки ничего не говорят?
- О чем?
- Например, о возможных причинах исчезновения твоего брата. Не могут одноклассники молчать об этом.
- Шепчутся, но я не знаю, о чем. Когда я прохожу мимо или останавливаюсь, то они замолкают. Может, жалеют меня, а?
- Может, и жалеют, – охотно подтвердил Алексеев.
- Ну-ка, доченька, марш к себе. Нечего вертеться возле взрослых.
- Светлана обиженно надула губы, но перечить не стала и, молча, вышла.
- Алексеев встал.
- Мне тоже пора... Хотя вы начисто и отрицаете возможность похищения с целью выкупа или шантажа, но я эту версию не отбрасываю. Она останется в качестве рабочей. И если вдруг вы что-то узнаете или что-то еще вспомните, то позвоните. Потому что может случиться и так, что парень в заложниках, например, в Чечне, и вам позвонят позднее. Часто бывает, что бандиты дают о себе знать не сразу, а спустя длительное время. Да, пока в нашей области не зарегистрировано ни одного случая захвата заложников чеченцами, но... Чем черт не шутит! Пожалуйста, не скрывайте ничего от нас. Это может быть единственный шанс спасения сына. Не верьте в их обещания, не вздумайте верить. Они обманут. Пожалуйста, не сделайте роковой ошибки, Нина Викторовна. Я верю вам! Я очень хочу верить!
- Ради Бога, на этот счет не беспокойтесь. Как только мне что-то станет известно, так сразу, немедленно позвоню или зайду.

Глава 5. Единомыслие

14 ДЕКАБРЯ. ВТОРНИК. 21. 40.

В дверь номера, где обосновался Алексеев, постучали.

– Фомин?

– Так точно! – послышался из-за двери зычный бас подполковника. – Можно?

– Заходи. Дверь не закрыта. Я только что пришел, душ решил принять... Я сейчас.

Фомин вошел и устроился в кресле, забросив ногу на ногу. Он взял затрепанный журнал, очевидно, оставленный прежними обитателями номера, и стал листать.

Появился Алексеев в махровом халате и с полотенцем на голове.

– Что нового? Может, порадуешь?

Фомин развел руками.

– Всей душой, но, знаете...

Алексеев его прервал.

– Если мне не изменяет память, мы еще два года назад перешли на «ты». Что случилось?

– Виноват, Илья Захарович, исправлюсь, – Фомин, вспомнив что-то, зацокал языком. – Как ты утром отделал «товарищей». Слушал я, и душа моя ликовала. Удары наносил элегантно, но, прямо скажу, под самый дых. Дягилев зверел, но сдерживался. Как он сдерживался...

– Только при мне... Уверен, он уже позвонил Тушину и наябедничал. И мне остается лишь ждать реакции, – Алексеев тяжело вздохнул. – Не думаю, что Дягилев понял, что я хотел сказать... Я не собирался кого-то унижить, тем более – оскорбить... Нет, не понял!

– Генпрокурор все время твердит одно: прокуроры – вне политики...

– Это – всего лишь декларации, а на самом деле... Из генпрокуратуры тоже несет красным душком... Нет, не понял меня Дягилев, – повторил еще раз Алексеев. – Я ведь хотел лишь сказать: история российской прокуратуры насчитывает не семьдесят лет, а почти триста. И тогда, и сейчас было два полюса: закон и беззаконие. Если ведете речь об истории, то не забывайте именно о двухполюсности жизни. Показали героическое? Покажите и трагическое. Хватит жизнь начинать с чистого листа. Жизнь была, жизнь есть, жизнь обязательно будет! Меня еще почему все это возмущает? Красно-рыже-черная убежденность мешает работе прокуратур. Повсеместно идет саботаж, многие делают вид, что следят за исполнением законов. Или лишь реагируют тогда, когда это в угоду их политическим убеждениям.

– В нашей «епархии» – то же.

– А, – Алексеев махнул рукой, – к черту философствования. Что, нам нечем больше заняться? Вон, дело, вроде бы, самое пустяковое, а голова от миллиона вопросов пухнет. И чем дальше, тем больше.

– Я, собственно, Илья Захарович, и зашел-то за тем, чтобы доложить...

– В чем же дело? Я тебе не даю?

– Нет, вина моя. Это я увел разговор в сторону... Мои парни, Илья Захарович, начали агентурную работу. А я пошел к школе, где парнишка учился, и повертелся несколько часов, особо не привлекая внимания, пообщался с прохожими, жителями окрестных домов, а также и со школьниками. В целом, конечно, это ничего не дало. Однако, Илья Захарович, несколько человек, совершенно несвязанных друг с другом, упомянули, что обратили внимание в тот злополучный день на мужчину лет тридцати, с узким вытянутым лицом, темными волосами, острым носом, черными глазами, роста примерно ста семидесяти или ста восьмидесяти сантиметров, то есть, как они выразились, похожего на типичного кавказца. Впоследствии, как они пояснили, больше этого крутящегося у школы типа не встречали.

– Ты, надеюсь, не говорил, в связи с чем интересуешься? – подозрительно глядя на Фомина, спросил Алексеев.

– Обижаешь, Илья Захарович.

– Брось ломаться, как красна девица.

– Есть бросить ломаться! – шутливо отрапортовал Фомин. – Итак, крутится у школы некто с лицом кавказца, крутится не один час, тем самым невольно привлёк к себе внимание. Что он там делал? Что ему надо было?

Алексеев пошутил:

– Пойди и спроси.

– Охотно бы, но... Илья Захарович, у меня родилась мысль, как мне показалось, стоящая: а что, если чеченцы захватили в качестве заложника, вывезли к себе в горы и держат мальчишку в каком-нибудь «зиндане»?

– Допускаю в качестве гипотезы. Но тогда у меня есть встречный вопрос: почему до сих пор не проявились? Почему не подали никакого сигнала родителям? Почему не выдвинули требования? Два месяца – срок немалый даже для чеченцев, которые известны тем, что запрашивают выкуп неспеша, по истечении длительного времени. Кстати, тактика глубоко продуманная, психологически выверенная, можно сказать, изуверская.

– Ты думаешь?

– Конечно! С родственниками, потерявшими всякую надежду, отчаявшимися вконец, легче работать: при первом сигнале о судьбе похищенного, узнав, что он жив, пойдут на все, буквально на все. Тонко работают, сволочи!

– Все равно не все ясно.

– Например?

– Судя по той информации, которую я имею, похищают обычно детей состоятельных родителей, родителей, имеющих крупный бизнес, родителей, которые смогут заплатить выкуп.

– С одной стороны, так. Но, возможно, похитили с какой-то иной целью.

– С какой?

– А хрен их знает, – в сердцах бросил Алексеев. – Предполагать можно все, что угодно. Больше двух месяцев прошло... Сколько за это время воды утекло... Если бы по горячим следам! Просмотрел внимательно материалы уголовного дела. Слов нет! Если бы мог, взял бы и обматерил последними словами. Прежде всего, твою родимую милицию, господин подполковник.

– Ну, твоя прокуратура, – Фомин ухмыльнулся, – тоже выглядит не в лучшем свете.

– Друг друга стоят, – Алексеев не стал возражать. – Ты читал рапорт участкового?

– Имел честь познакомиться.

– И что скажешь?

– Бред сивой кобылы.

– Оценка предельно точна. Что он пишет? Был в школе, разговаривал с преподавателями, школьниками. И делает вывод: ничто не указывает на совершенное преступление, а посему имеет место широко распространенное среди подростков «вольное путешествие по стране». С кем конкретно разговаривал участковый? Неизвестно. Какие показания людей, знавших пропавшего без вести, указывают на то, что не было совершено преступление, что он просто-напросто убежал? Рапорт не отвечает и на этот вопрос. Я даже склонен думать, что участковый в школу не ходил, а рапорт сочинил, не отходя от рабочего стола.

– Не исключено. Я бы таких людей гнал из органов поганой метлой.

– И, слава Богу, что бодливые коровы обычно комоные. Дали бы тебе власть, и в милиции не осталось бы никого.

– Преувеличиваешь, Илья Захарович. В милиции есть и работающие лошадки. Ваш покорный слуга – яркий тому пример.

– Знаешь, интеллигентные люди обычно плохо о присутствующих не говорят, а присутствующие никогда не воспринимают все, что говорится, по своему адресу.

– Я же пошутил.

– А я что?

– Шутки шутками, а вопросы остаются. Вот ты, Илья Захарович, сказал, что похитители никак не проявили себя. А мы знаем? Лично я, правда, проведя кой-какие оперативные мероприятия, попытался осторожно прощупать почву на сей счет.

– Ты о чем?

– Я сказал сам себе: к родителям обратились похитители, и что они должны были предпринять? Ответ: поскольку, как я установил, родители очень стеснены в средствах, то они в первую очередь начали занимать деньги, прежде всего у родственников, пытаясь таким образом собрать требуемую сумму.

– Логично.

– Еще бы! После разведки у школы я отправился к некоторым родственникам Чудиновых и, так ненавязчиво, не вызывая подозрений, попробовал выяснить, не обращались ли те за деньгами. Результат: ни к кому из родственников за деньгами не обращались. Вывод: пока речи о выкупе не шло. Следовательно, или не было похищения, или было похищение, но не с целью выкупа, или еще похитители не дали об этом родителям знать. И как, Илья Захарович, мои умозаключения?

– Вполне приличные. Тем более, что я их могу подтвердить.

– Каким образом? – Фомин удивленно смотрел на следователя.

– Я, как и ты, время не терял даром, и познакомился с семьей Чудиновых.

– Вызывал в прокуратуру?

– Что ты! Я побывал у них дома. С отцом, к сожалению, не довелось побеседовать, так как он на работе во вторую смену, а вот с другими...

– Ну-ну!

– Никаких «ну», понял?! – Алексеев широко улыбался.

– Не понял, что тут такого веселого?

– И не поймешь, поскольку понять тебе не дано... Одна юная особа заявила мне, что чрезмерное употребление частицы «ну» в устной речи, как, впрочем, и в письменной, свидетельствует о засорении русского языка; частица «ну» – это речевой «сорняк», который следует безжалостно искоренять. Как, понял теперь что-нибудь?

– Вроде бы... Тем более, что я и сам всю жизнь борюсь с подобного рода речевыми «сорняками». Ну...

– Ха-ха-ха! Плохо борешься, как посмотрю.

– Скажи мне сейчас же, кто та «юная особа» и где ты с ней успел познакомиться?

– О, это сказочной красоты особа!

– Уж не влюбился ли в студентку местного пединститута? Смотри, скажу супруге, а уж она-то с тобой разберется.

– Скажи, скажи, – Алексеев вновь расхохотался. – То-то смеху будет.

– Боюсь, смех твой сквозь слезы. Все начинается с хихонек, но заканчивается семейными драмами.

– Ты, что, серьезно все воспринял?

– Почему бы и нет? Мужик ты видный, солидный. Таких студенточки любят. Скажешь им пару слов – они у тебя уже на шее... Гроздьями!

Алексеев все еще улыбался.

– Хорошо, раскрою тебе страшную тайну, только, чур, строго между нами, понял?

– Я в таких делах нем, как рыба.

– Клянешься?

– Честное пионерское! Могу даже отсалютовать.

– Так вот: той юной особе всего-навсего десять лет и зовут ее Светланой, а фамилию носит Чудиновых.

Фомин разочарованно произнес:

– Черт, разыграл. И как это я «клюнул» на заброшенную «наживку»?

– Будет, пошутили. Теперь – серьезно... Мать пропавшего без вести уверяет, что никто к ним не обращался, то есть она не верит в версию похищения с целью выкупа и начисто отвергает, что и является подтверждением твоего умозаключения. Правда, подтверждение пока лишь косвенное, поскольку мать может и не сказать. Но, сопоставив твою информацию и мою, полученные параллельно, я начинаю верить, что Нина Викторовна говорит правду.

– Илья Захарович, а мне нравится...

– Что тебе «нравится»?

– То, что мы думаем и мыслим одинаково, не сговариваясь, делаем одно и то же. Признайся честно, ты решил всерьез отрабатывать версию о чеченском следе?

– Признаюсь. Эта идея родилась в моей голове как-то неожиданно, во время посещения Чудиновых. Я и сказать точно не смогу, в какой момент в голове возник чеченский след.

– Согласись, редко такое бывает, чтобы у двух разных людей почти одновременно рождалась одна и та же идея.

– Ты прав, редкая удача. Так что, как говорится, тебе и карты в руки: всерьез отрабатывай чеченский след со своими сыщиками. Версия слишком серьезная, чтобы ею пренебрегать.

Фомин, глядя на Алексева, хитро сощурил глаза.

– Настала пора и моих признаний.

– Ты что-то не то сделал?

– Не думаю.

– Признавайся немедленно, в чем дело?

– Дело – в шляпе.

– Оставь на потом свои поговорочки.

– Хорошо... Я, Илья Захарович, уже работаю в этом направлении.

– Не понял.

– В оперативно-следственной бригаде имеется сыщик, из местных, естественно, у которого в чеченской диаспоре Нижнего Тагила есть свой человек. Он божится, что информатор надежный, не раз проверенный. Я поручил сыщику поработать с информатором. Одновременно, я намерен завтра сам, напрямую и открыто выйти на чеченских «авторитетов». Они мне все известны. Повстречаюсь, поговорю. А там – посмотрим.

– Да ты, парень, – бульдозер! Носом землю роешь! Молодцом! Кстати, отработав чеченский след, не забудь, что похищают не только они. Ничуть не лучше и выходцы из Азербайджана, Северной Осетии, Дагестана и, наконец, Ингушетии. Имею работенку и для других сыщиков. Послушай: мать пропавшего говорит, что в тот день, то есть девятого октября, утром, собираясь в школу, бабушка, безумно любившая внука, «отстегнула» ему от накануне полученной пенсии два червонца на, как она выражалась, «социальные нужды подрастающего поколения», проще говоря, на жвачки, «Сникерсы» и тому подобное. Значит, в школу пошел с деньгами, хотя и с небольшими. Понимаешь, к чему я клоню?

– Естественно.

– И последнее. Та юная особа, о которой я уже имел честь тебе рассказать, мне сообщила: в школе дети шушукались, особенно в начале октября, но замолкали, как только она появлялась на горизонте. Я не исключаю, что некоторые школьники что-то могут и знать о случившемся. Эта задача не первоочередная, но забывать о ней не следует. Возьми себе на заметку.

– Будет сделано. Ну, так я пошел? Пора на покой.

– Снова «ну»?

– Совсем-то без речевых «сорняков» как можно?

Фомин улыбался, покидая номер следователя, который также собирался бай-бай. И он, Фомин, и он, Алексеев, строго придерживались одного и того же принципа: раньше ляжешь – раньше встанешь, а кто рано встает – тому Бог подает.

15 ДЕКАБРЯ. СРЕДА. 12.10.

Алексеев сидел в кабинете и уже битый час мозговал над одним и тем же: куда подевался разыскиваемый подросток? Он тупо смотрел на лист бумаги, лежащий перед ним, и расчерченный на две равные половины: в столбце слева – все возможные версии, а в столбце справа – варианты более вероятного развития событий тогда, то есть в октябре, и сейчас.

Он встал и начал ходить по кабинету, размышляя вслух. Размышлять вслух – его любимое занятие. Конечно, для него более предпочтительно, если в момент размышлений кто-то есть – внимательный слушатель. И уж совсем идеальная ситуация, когда слушатель не просто внимает, а активно участвует в обсуждении, даже оппонирует. В этом случае мозг начинает работать с удвоенной энергией. Защищаясь от оппонента, он невольно ищет и находит наиболее весомые аргументы, свидетельствующие в его пользу.

– Ну-с, сударь мой, версия номер один, версия самая заезженная, версия, которая приходит на ум последнему идиоту: побег из дома. Причина? Неурядицы в семье? Изгой? Нет: он любим всеми. Захотелось постраниковать? Но ранее за ним ничего подобного не наблюдалось. Впрочем, все когда-нибудь делается впервые. Мать свидетельствует: мальчишка – домосед. Это – существенно и пока что является убедительным доказательством того, что без спроса, не предупредив родителей, в особенности бабушку, которая его обожала, подросток не мог исчезнуть. Теоретически не мог, а практически же... Допустим, все-таки сбежал. Куда подался? Конечно, не в Екатеринбург, тем более не в сторону Ивделя. В Москву? Вероятнее всего... Так... – Алексеев подошел к столу и стал перебирать лежащие брошюры, – где-то видел телефонный справочник, попадался под руку... Вот... Есть, – он быстро-быстро стал листать. – Справочное железнодорожного вокзала, – дотянулся до телефонного аппарата, набрал номер. Частые гудки. Положил трубку, снял и снова набрал. Теперь ему ответили. – Справочное?... Будьте любезны, скажите: девятого октября, в субботу отправлялся поезд сообщением Нижний Тагил – Москва?... Не знаю, девушка: мне без разницы – «Малахит» или «Яшма». У вас, что, несколько поездов аналогичного сообщения?... Нет? Тогда зачем спрашиваете, морочите мне голову?... Не надо нервничать? А я и не нервничаю, девушка. Итак, отправлялся или нет поезд на Москву?... Понятно. Во сколько?... Назовите, пожалуйста, время отправления... Записываю: шестнадцать сорок четыре по московскому, естественно, времени. Спасибо... Кто запрашивал справку?... А это так важно?... Старший следователь прокуратуры области Алексеев, – он положил трубку, придвинул блокнот, взял ручку. – Поручение сыщикам: необходимо опросить бригаду проводников поезда Нижний Тагил – Москва, отправившегося в путь девятого октября сего года, предъявив для опознания фотографию пацана. Могли видеть – либо во время посадки, либо во время следования по маршруту.

Он только вновь зашагал по кабинету, как дверь кабинета отворилась, и вошел прокурор Дягилев.

– Здравия желаю, – он остановился, не решаясь первым протянуть руку.

– День добрый, Степан Осипович, – ответил Алексеев и протянул руку.

Обменявшись рукопожатием, Алексеев предложил присесть.

– Илья Захарович, у вас все в порядке? Вам не нужна наша помощь, например, людьми или еще чем-либо?

– Нет, спасибо. Пока справляемся тем, что есть.

– Илья Захарович, а вы не заметили?..

Алексеев удивленно посмотрел на прокурора.

– Что я должен был «замечать»?

– Того злополучного стенда больше нет в холле прокуратуры.

– Простите, не обратил внимание.

– Вы были правы...

– Приятно слышать.

– Мы посоветовались и решили в коллективе сделать другой стенд под условным названием «Звезды следствия», где представим трудящимся, которые к нам приходят, фотографии людей, которым удалось быстро и качественно провести следствие по наиболее общественно значимым уголовным делам. Под каждой фотографией будет краткое описание уголовного дела, срока расследования и результата, то есть, каков приговор суда. Что вы об этом думаете?

– Если хотите знать мое личное мнение, то я вам скажу так: идея просто замечательная. Мы привыкли с людей «стружку» снимать, а вот что касается доброго слова, то, увы!.. Да и ваши «трудящиеся», – Алексеев сделал нажим на этом слове, – тоже должны знать в лицо своих героев.

– Я вас понял.

Дягилев встал и затоптался на одном месте. Он явно что-то еще хотел сказать, но не решался. Видимо, из-за того, что не знал, какая последует реакция.

Наконец-таки решился.

– Илья Захарович, сегодня у моего первого зама день рождения... – начал он.

– Очень рад. После обеда зайду и от себя лично поздравлю.

– Илья Захарович, понимаете, у нас традиция...

– Интересно, какая?

– Вечером собираться коллективом в ресторане... На час или на два – не больше... Чтобы в неформальной обстановке поздравить именинника... Вот и сегодня решили собраться в небольшом, но уютном банкетном зале ресторана при гостинице, где вы проживаете... Я вас приглашаю. В семнадцать.

– Вынужден вас огорчить, Степан Осипович: не смогу.

– Почему?

– У меня на это время уже назначена принципиально важная встреча, отменить которую никак нельзя.

– Сожалею. Коллектив так хотел пообщаться с вами, ближе вас узнать... Не каждый день приезжают такие корифеи следствия. Коллектив хотел совместить, так сказать, приятное с полезным.

– Во-первых, я не заезжая кинодива. Во-вторых, еще не вечер, Степан Осипович. Еще будет у нас возможность ближе узнать друг друга. Извините.

– Скажите, что и подполковник Фомин тоже?..

– Вероятнее всего, что да, хотя точно не знаю.

– Сожалею, но ничего не поделаешь... Всего наилучшего.

– Степан Осипович, одну минуту, если можно.

Прокурор обернулся.

– Я слушаю вас.

– Сегодня утром, когда пошел сюда, на своем этаже, в гостинице, значит, обнаружил неожиданно пост милиции. Скажите, с чем это связано? Чью безопасность обеспечивают мальчишки?

– Видите ли... – прокурор замялся. – Ради вас это сделано.

– Ради меня?!

– И ради подполковника Фомина.

– Чья это инициатива? Кто вас просил об этом? Я или Фомин?

– Нет, вы не просили.

– Тогда, в чем дело?

– Обеспечение безопасности таких высокопоставленных гостей – обязанность принимающей стороны.

– Первое: мы – не гости, мы прибыли сюда работать, а не гостить. Второе: с чего вы взяли, что наша безопасность – в ваших руках? Что, вы гарантируете нам жизнь?

– По крайней мере...

– Если захотят нас убить, то никакая охрана не поможет. Тем более та охрана, что выставлена в гостинице. Этих «зеленых» курсантов школы милиции самих надо еще охранять. Настоятельно прошу вас: немедленно распорядиться о снятии всякой охраны, немедленно. Стыдно какой!

– Не сердитесь, пожалуйста. Не со зла ведь. Хотели как лучше.

– Сейчас же уберите охрану, – повторил Алексеев.

– Хорошо, нет проблем, Илья Захарович. Будет сделано.

Дягилев вышел.

– Хитрюга провинциальный... Кого решил провести на мякине? Такого стреляного воробья? – Алексеев вновь зашагал по кабинету. – Ладно, Бог ему судья... Теперь перехожу к версии номер два, как к наиболее вероятной по нынешним временам: совершено убийство подростка. Мотивы? Их может быть сколько угодно. Например, убийство с целью завладения деньгами, которые в тот день при нем имелись. Те самые двадцать рублей, которые «отстегнула» ему бабушка от своей скромной пенсии. Кто это сделал? А кто угодно мог сделать! Например, убийство по неосторожности или случайно. Почему нет трупа? Убийца испугался и спрятал труп. Спрятать не трудно: на дворе зима. Вот наступит весна, и труп может «вытаять». Например, убийство из мести, как мотив самый невероятный. Кто отомстил? Мог это сделать кто-либо из учащихся сто тридцатой школы. Повторяю: совершенно невероятный мотив и все-таки возможный. Шансов из тысячи один, но он есть. Например, парнишка стал жертвой сексуального маньяка... Постой-ка, а ведь этого на бумаге не записано. Почему мне раньше в голову не пришло?

Алексеев вернулся за стол и в правом столбце сделал соответствующую запись. Потом вновь открыл блокнот, в нем записал, сделал, как он выражается, зарубку на память: «Поручение сыщикам: не было ли до октября или после октября случаев, когда бы преступник нападал на мальчиков с целью получения сексуального удовлетворения. Внимание: не действует ли в Нижнем Тагиле, а также в окрестных городах, сексуальный маньяк. Поизучать статистику».

Алексеев вновь встал и зашагал по кабинету. Ходьба, судя по всему, помогала.

– Идем дальше...

Но тут подал голос все время молчавший телефон. Алексеев, понимая, что звонят не ему, все-таки снял трубку.

– Алло!.. Да, прокуратура города... Кто вам нужен?.. Следователь Алексеев?.. Я слушаю... Что? На проводе Тушин?.. Ради Бога, соединяйте, готов выслушать... – пока шло соединение, Алексеев продолжал говорить. – Хоть днем, хоть ночью. Кажется, реакция на вчерашние мои высказывания не заставила себя ждать. Жди нахлобучку... Да, Алексеев у телефона... День добрый, Семен Семенович, если нынешний день может быть добрым... Пока ничего... Темный лес... Блуждаем... Сколько будем блуждать?.. Увы, не знаю, Семен Семенович... Отрабатываем версии... Какие?.. Их несколько... Думаю, это не телефонный разговор... Если что-то будет «прорисовываться», я приеду и доложу вам лично... Так точно... Да... Естественно... Да... Проводим, точнее – начали проводить все положенные в таких случаях оперативно-розыскные мероприятия... Сами понимаете, Семен Семенович, упущено время, лучше, когда по «горячим» следам... Что?.. Как тагильчане?.. Вроде, зашевелились... Нет проблем, в этом смысле... Все идет по плану... Сколько времени потребуется?.. Право, не могу сказать... Я, со своей стороны, сделаю все, чтобы ускорить, но... Фомин, как всегда: носом землю роет... бульдозер... Хорошо... Как что, так сразу... До свидания, Семен Семенович...

Кладя трубку на телефонный аппарат, Алексеев был уже на ногах.

– Версия номер три (по значимости ей следовало бы быть на первом месте): похищение с целью выкупа или шантажа. Кем? Прежде всего, чеченскими бандитами. Да, такого рода преступлений в нашей области не было. Но мы можем этот счет открыть... Хотя и утверждают, что войны нет, что есть всего лишь антитеррористическая операция, однако дома (не на Кавказе, а в Москве) взлетают на воздух. Военные колошматят боевиков, уже загнали в горы Кавказа, но, что странно, менее активными чеченцы не стали. Брали заложников и продолжают брать сейчас, в том числе и детей... Надо ждать вестей с Кавказа. Если имеет место похищение, то они обязательно о себе дадут знать. В самое ближайшее время выйдут на родителей. Мала доля вероятности, но не исключается и вариант, при котором парнишку взяла в заложники одна из преступных местных группировок. Зачем? Шантажировать власть, допустим, давить на правоохранительные органы... В том же октябре (совпадение вряд ли случайное) мой коллега Костенко сильно пощипал одну из группировок, арестовав двух местных «авторитетов». Теперь они в СИЗО... Почему не проявляются? Ждут удобного момента, когда торг будет наиболее уместен? Возможно. Что они могут? Они могут выставить условие: жизнь подростка в обмен на свободу одного из своих «авторитетов». Подобное развитие событий ожидаемо и, главное, возможно... Ну, и что? Что еще я упустил, а? Интуиция подсказывает, что что-то очень важное уходит от меня. Но что, черт побери?! В голове – пусто! Ни одной стоящей мысли... И Фомин не дает о себе знать... Что он? Где он? Как сквозь землю провалился... И пусть! Схожу, перекушу в столовой, а после обеда мозги, возможно, заработают с большей интенсивностью. Эхма, где мои тридцать лет! Тогда без обеда мог работать сутками и ничего, хоть бы хны. Теперь – все не то: силенки уходят, тают, как снег в апреле. Прав тот, кто однажды сказал: если бы молодость умела, если бы старость могла. Нет, что ни говори, а в отставку все-таки пора, пень трухлявый.

Алексеев спешно оделся и вышел.

Глава 6. Визитер

17 ДЕКАБРЯ. ПЯТНИЦА. 09. 50.

Дягилев вошел в кабинет и, на правах хозяина, тотчас же прошел вперед и присел на один из стульев.

– Доброе утро, Илья Захарович! Прошу прощения, но найдите, пожалуйста, пару минут...

– Для чего?

– Пройдемте в мой кабинет. Там один из влиятельнейших людей города. Он хотел бы с вами переговорить.

– О чем, Степан Осипович?

– Не знаю. Однако встретиться с ним стоит.

– Вы так считаете?

Дягилев склонился в сторону Алексеева и шёпотом добавил:

– Между нами: он без стука, говорят, входит в кабинет губернатора.

– Ну?! – притворно удивился Алексеев и с еле заметным сарказмом добавил. – Тогда – другое дело.

Прокурор Дягилев встал.

– Пойдемте.

– Куда?

– Как куда? Я сказал: ко мне.

– Степан Осипович, если «один из влиятельнейших людей города», как вы изволили выразиться, желает встретиться, то – добро пожаловать: пару минут я для него найду.

Дягилев округлил глаза.

– Сюда?!

– Но у меня нет другого места, где бы я мог принимать «влиятельнейших» людей.

Лоб Дягилева покрылся испариной.

– Хорошо... Если он сочтет возможным, то подойдет.

– Добро пожаловать.

Дягилев вышел и через минуту вернулся, сопровождаемый незнакомым Алексееву человеком.

– Илья Захарович, познакомьтесь: первый заместитель главы администрации Промышленного района Сарваров Леонид Федорович... Леонид Федорович, познакомьтесь: старший следователь по особо важным делам прокуратуры области Алексеев Илья Захарович.

– Очень рад познакомиться с вами, – сказал Сарваров и протянул руку для рукопожатия.

Алексеев сделал вид, что жеста не заметил, поэтому в ответ не протянул руку, а лишь сухо сказал:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Гость опустил на стул.

– М-да... Вы не очень-то любезны, Илья Захарович.

– Первое впечатление, как правило, – ошибочное.

– Хотелось бы думать.

Дягилев, продолжая стоять, спросил, обращаясь к Сарварову:

– Я пойду?

– Алексеев тотчас же ухватился, спросив прокурора:

– Он ваш непосредственный начальник?

Дягилев, поняв, что опять плюхнулся в лужу, растерянно произнес:

– Нет, но...

Сарваров лишь небрежно кивнул головой, что также не осталось незамеченным со стороны Алексеева.

Дягилев ушел, явно обрадованный, что не будет очевидцем трудного, как он представил себе, диалога.

Сарваров отчасти был прав. Алексеев с большим трудом скрывал свою неприязнь к гостю, хотя никогда с ним не встречался. Алексеев по опыту знал: чиновник столь высокого статуса начинает проявлять инициативу лишь в случаях, когда заинтересован, когда необходима от него, следователя, некая информация. Или идет на встречу с намерением повлиять на ход следствия. Многие чиновники областного масштаба его хорошо знали, поэтому старались к нему не обращаться. Для добычи нужной информации они искали и находили иные пути, в обход его.

Алексеев прекрасно понимал, что не слишком интеллигентно изначально относиться к человеку с предубеждением, но поделать ничего не мог. И, конечно, наживал немало врагов. Чиновник любит дружеские услуги, ценит и не забывает. Не забывает он, соответственно, и нелюбезности к себе. Он знает: кто таков Алексеев и кто он, чиновник, без услуг которого в обыденной жизни трудно обойтись.

Алексеев чрезвычайно высоко ценил свою независимость, которая убавляла число друзей, и удваивала число недоброжелателей, в том числе и из круга коллег.

Пауза явно затягивалась, молчание становилось тягостным.

– Прошу прощения, если отнимаю ваше драгоценное время, – первым начал Сарваров и натянуто улыбнулся.

– Я вас слушаю.

– Мне вчера доложили, что вы прибыли...

– Только вчера доложили? – удивленно спросил Алексеев.

Сарваров или не заметил сарказма, или сделал лишь вид, что не заметил.

– Вот... я и решил нанести визит... Может, помощь какая-то нужна... или еще что...

Мало ли...

– Спасибо. Оперативно-следственная бригада ни в чем не нуждается.

– Рад слышать.

– У вас, кроме визита вежливости, есть еще что-то?

– И да, и нет.

– То есть?

– Общественность волнуется, Илья Захарович. Люди обращаются к нам, в администрацию с разного рода вопросами, а мы не знаем, что отвечать, так как совершенно не в курсе. Неловко, знаете ли.

– А, по-моему, нормально, так как, Леонид Федорович, на вопросы, волнующие вашу общественность, даже я ничего не смогу пока ответить.

– Разве?

– Представьте себе.

– Хм... М-да... Я крайне удивлен...

– Знаете, я также крайне удивлен тем, как работает отдел внутренних дел Промышленного района Нижнего Тагила.

– Вот как? А я полагал, что наша милиция не на плохом счету.

– Скажите, когда последний раз вы лично были в райотделе?

– Погодите, дайте вспомнить... Чуть больше года назад... А что?

– А то, что вы за получением информации обратились ко мне.

– Вчера я вызывал подполковника Савичева к себе, и он заявил, что не располагает никакой информацией, поэтому и...

– Поэтому и приехали ко мне?

- Да.
- Вы зря потеряли время.
- Вы так считаете?
- Если бы ваш райотдел занимался своим делом надлежаще, то, возможно, не было бы причин для моего приезда сюда. Это – во-первых. А, во-вторых, господин Савичев был бы тогда в курсе дел и мог бы дать вам исчерпывающую информацию. Но я, увы, – Алексеев развел руками, – вам ничем помочь не могу. Извините.
- Скажите, а зачем вы приехали? – спросил Сарваров.
- Зачем я приехал? – переспросил Алексеев. – А вы Савичева спросите!
- Спрашивал. Он в полном недоумении, так как, по его мнению, дело, которым вы занимаетесь, никак нельзя отнести к категории «особо важных», коими обычно вы занимаетесь.
- Хорошо, я вам объясню: «особо важное дело» или «не особо важное дело» – это решает исключительно прокурор области Тушин. В моем случае – тоже. Он, то есть прокурор области, принял решение, а я, в соответствии с его решением, принял к своему производству означенное дело и веду расследование. И если вы продолжаете по этому поводу недоумевать, то, ради Бога, обратитесь к первоисточнику – прокурору области Тушину.
- Пока, как мне представляется, в этом нет острой необходимости, но если...
- Прошу без намеков... У вас все? Извините, у меня крайний дефицит времени.
- Почти все, следовательно. Остались лишь две настоятельные просьбы: первая просьба – для успокоения общественности считаю целесообразным, чтобы вы дали интервью о ходе расследования газете «Тагильский труженик»; вторая просьба значительно серьезнее – оставьте, пожалуйста, в покое детей нашего района, поскольку им пока рановато без крайней нужды общаться со следователями и вашими сыщиками.
- Алексеев улыбнулся и развел руками.
- Сожалею, но ни по первой просьбе, ни по второй никаких обещаний дать не смогу.
- Но я бы мог корреспондента подослать сюда.
- Не нужно, господин Сарваров. Никакого интервью не будет. Не будет, пока идет следствие. Если вы меня не поняли, то я еще раз повторю: у меня нечего сказать – ни вам, ни вашему корреспонденту.
- В таком случае у нас нет иного выхода, как обратиться к товарищу Тушину.
- Сделайте одолжение.
- Сарваров встал.
- М-да... А вы не дипломат, ох, не дипломат!
- Вы правы: я не дипломат. Я – следователь прокуратуры.
- Еще ни одному следователю гибкость не помешала, – бросил уже на выходе Сарваров.

17 ДЕКАБРЯ. ПЯТНИЦА. 10. 50.

- Подполковник Фомин вошел к нему и, не дожидаясь приглашения, по-свойски плюхнулся в единственное, довольно старенькое кресло.
- Доброе утро, Илья Захарович.
  - Во-первых, подполковник, не утро, а уже день. Во-вторых, ничего «доброго» не вижу. Реакция следователя оказалась неожиданной – нервной. Все дни, пока они в Нижнем Тагиле, Алексеев проявлял полное спокойствие.
  - Что-то не так? – тревожно спросил Фомин, внимательно вглядываясь в лицо.
  - Все «так»... кроме...
  - «Кроме» чего?
  - Понимаешь, подполковник, только что был визитер...
  - Кто такой?

– Сарваров – его фамилия... Первый заместитель главы администрации Промышленного района. По всему видно, местный пуп земли. Дягилев даже считает, что он входит в кабинет губернатора без стука.

– Сарваров... Сарваров... Эта фамилия и мне знакома... Постой-ка, дай напрямч худеющую память, – Все, – он хлопнул себя по колену, – ясно! – он вытащил из кармана маленькую записную книжку, перелистал несколько страниц, остановился. – Как вашего «визитера» зовут? Не Леонид?

– Леонид Федорович, а что?

– А то, что вчера весь день мои парни работали в сто тридцатой школе. Один из сыщиков, в частности, беседовал с Сарваровым, вот, – он ткнул пальцем в записную книжку, – с Сарваровым Михаилом Леонидовичем.

– Черт, – выругался Алексеев. – Он приходил из-за сына! А я ломал голову, пытаюсь ответить на вопрос, с чем связан визит?

– Объясни, Илья Захарович.

– Сарваров, видишь ли, обеспокоен, что мы нервируем детей, общаясь с ними. Детям района, как он выразился, пока еще рано общаться со следователями и сыщиками.

– О детях, значит, района печется?

– Его, понятно, обеспокоило, что с его сыночком осмелился беседовать твой оперативник. Так-так-так... Что сыщик говорит?

– О том, что общался с Сарваровым-младшим?

– Да.

– Он сейчас готовит обстоятельный рапорт... Как, впрочем, и другие.

– Но он говорит что-нибудь? – проявляя нетерпение, вновь спросил Алексеев.

– Ничего особенного. Парень как парень. Отмечает лишь два обстоятельства: заносчив и трусоват.

– «Трусоват»? С чего взял?

– Школьники так считают. И у него, говорит сыщик, в школе обидное прозвище, – «Сара»

– Понятно: парнишка изнеженный, перепугался, пришел домой, пожаловался папаньке, а тот и ринулся ко мне. Я-то думал, что за визитом незваного гостя стоит нечто более серьезное.

– Спесив папанька-то у «Сары»?

– Еще как спесив.

– Жаль, что его визит состоялся без меня. Позадавал бы я ему кой-какие вопросы.

– Кто тебе мешает с ним встретиться?

– Никто. Но в данном случае спесь я с него бы сбил. Ты меня знаешь.

– Не хорохорься больно-то, – остудил Алексеев. – А, черт, сколько времени отнял!

– Я, что ли? – спросил Фомин.

– Сарваров, черт... Ладно, будет с этим. Скажи, что у нас?

– Работаем... Согласно вашим указаниям, господин следователь.

– Брось шутить. Не время.

– Если серьезно, то к вечеру у вас на столе будут рапорты оперативников.

– Рапорты – это понятно. Но на словах...

– Ничего существенного, причем по всем направлениям, Илья Захарович.

– Нельзя ли поконкретнее?

– Начну со школы: ребяташки ничего не знают, в том числе и одноклассники пропавшего. Теперь – насчет кавказского следа. Осведомитель из числа чеченской диаспоры не сумел ничего выяснить, но он уверяет: если бы чеченцы участвовали в похищении, то он бы все равно что-нибудь да узнал.

– И ты веришь?

– Но и не верить, подвергать сомнению его информацию у меня нет оснований.

– Ты помнишь, о чем я говорил?

– Помню: не сужать границы лишь чеченским следом.

– И что?

– Я вчера имел приватную, абсолютно неформальную встречу с лидерами дагестанцев, ингушей, азербайджанцев. Готовы поклясться на Коране: их люди не похищали подростка.

– Те, которые занимаются подобного рода «бизнесом», готовы клясться на чем угодно. Я тоже, – Алексеев усмехнулся, – могу поклясться, например, на берестяной грамоте.

– Ты все, что я говорю, подвергаешь сомнению.

– Это – мое правило. Не обижайся.

– Хорошо, если всего лишь правило, а не привычка, – Фомин не удержался, чтобы не съязвить.

– Не отвлекайся по пустякам.

– У меня, собственно, все.

– Как это «все»?!

– Ах, да! Еще осталась поездная бригада фирменного поезда Нижний Тагил – Москва... Девятого октября отсюда отправлялась бригада, где начальником поезда был (кстати, азербайджанец) некий Исмагилов. Он, что вполне естественно, такого подростка не видел. Однако и вся бригада проводников не видела парнишку, изображенного на фотографии – ни во время посадки здесь, ни в пути следования, ни во время прибытия поезда в Москву и высадки пассажиров. Никто из них даже сомнений не выразил. Все они уверены: этого парня в глаза не видели.

– Согласись, Александр Сергеевич, это очень странно. Город, насчитывающий четыреста тысяч населения, и никто, ни один человек не видел парнишку. Чертовщина, не иначе. Либо тут поработали инопланетяне, либо он обратился в человека-невидимку. Как ты, но я не могу в это поверить. Я уверен, что есть люди, которые видели подростка после школы. Просто – либо мы их «прошляпили», либо не столкнулись еще с тем, с кем нужно. А твоя хваленая интуиция что говорит?

– Моя интуиция, которая никогда не подводила, говорит следующее, Илья Захарович: мы где-то совсем-совсем рядом крутимся. Я только никак уловить не могу, где? И от этого чувствую себя совершенно беспомощным. Знаешь, точно те же ощущения я испытал, когда отец в детстве закрыл меня в пустом и темном чулане. Шаришь, шаришь руками, а вокруг – гладкая поверхность стен и больше ничего.

– Да, я тебя просил анализировать ежедневные сводки на предмет того, что может объявиться труп или его остатки.

– Пока – ничего. Боюсь, что только весной мы сможем обнаружить труп подростка... Если только он существует.

– Кто-то работает по версии сексуального маньяка?

– Отрабатываем. Хорошо в этом помогает городское управление внутренних дел. Оно сделало полную выборку всех потенциальных насильников за последние десять лет. Пока у всех – алиби... Один смешной случай, – Фомин, вспомнив, громко рассмеялся.

– Твое веселье, голубчик, неуместно.

– Нет ты, Илья Захарович, только послушай... Сажу я в управление, роюсь в бумагах. И вдруг забегают парнишка, лейтенант, хватает меня за рукав и тащит в дежурную часть, а по пути твердит: «Он, он готов дать признательные показания!» Пришли в дежурную часть, там сидит мужик лет так тридцати пяти. Лейтенант, притащивший меня, докладывает: сей тип проходил по делу об изнасиловании, причем именно об изнасиловании подростка. Когда его взяли, привезли сюда, то тот заявил, что, да, он совершил преступление и готов дать показания, но только по всей форме. Чтобы ему засчитали это как явку с повинной. Я обрадовался такой удаче. Правда, где-то внутри не давал покоя червь сомнения. Что я сделал. А то, что и должен

был. Дал ему несколько листов бумаги, ручку и сказал, чтобы тот писал «явку с повинной». Писал он долго. Я все ёрзал на стуле, умирая от нетерпения. И, наконец, его «явка с повинной» у меня в руках. Читаю, но сразу не врубился. Перестал читать. Гляжу грозно (ну, ты знаешь, как это я делаю) на мужика и спрашиваю: ты чего тут понаписал? Он мне в ответ: написал, мол, чистую правду; три дня назад, мол, грабанул торговую палатку на Стахановской, унес с собой пять банок растворимого кофе, две бутылки коньяка, пять блоков сигарет «Бонд», две тысячи сторублевыми купюрами. Он смотрит на меня, видит, что я ему не верю, начинает приводить детали совершенного преступления, точное время, место, где находится та торговая палатка. Дежурный по управлению стал листать свой журнал происшествий за тот день и действительно: подобное преступление зарегистрировано, причем все совпадает. Мне осталось только рассмеяться. Раскрыто преступление, но не мое. Мужик, когда его заграбастали, не догадываясь, об истинной причине, решил, что все, пропал, что милиция его вычислила и поэтому остается одно – каяться в содеянном.

– Да, веселую историю ты рассказал, но обидно, что она нам ничего не дает. Знаешь, подполковник, хотел я сегодня вечером собраться с оперативно-следственной бригадой на совещание, но сейчас расхотелось.

– Почему?

– Думаю, что бесполезно. Что толку от совещаний?

– Не скажи, Илья Захарович. Обсуждение, да в твоём присутствии, – лишний стимул.

– Нет-нет. Лучше я приглашу на допрос классного руководителя восьмого класса... Сначала хотел поручить это сделать следователю городской прокуратуры Овсянникову... Теперь – передумал. Сам допрошу. Хорошо, конечно, давать поручения и следить за их исполнением, но и самому что-то делать надо. Учительницу вызвали на четыре по полудню.

– Жаль. Мои оперативники одолели: когда да когда будет совещание? Я уж и не знаю, что им говорить.

– Объясни... Скажи, что пока не время, что я в курсе всех их дел; что очень доволен работой. Идет?

– Придется, – Фомин состроил недовольную гримасу и притворно вздохнул. – Как-нибудь выкручусь. Я – что? Меня видят каждый день. А тебя только раз и видели... Я пошел?

– Иди-иди. Вечером, в гостинице договорим. Заходи. В конце концов нам надлежит не совещаться по всякому поводу, а носом землю буровить, не так ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.